

Роман Анато́льевич Глушков
Эпо́ха стального креста
Серия «Эпо́ха стального креста», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119026
Эпо́ха стального креста: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-03536-2

Аннотация

Любой житель Святой Европы на вопрос: «Кто был самым известным еретиком нового времени?» – не задумываясь, ответит: «Жан-Пьер де Люка, прозванный Проклятым Иудой, и Эрик Хенриксон, бывший командир охотников-инквизиторов, ставший предателем и братоубийцей».

Один из лучших бойцов механизированного Инквизиционного корпуса, Эрик Хенриксон отказался выполнить приказ Пророка, перечеркнув тем самым свою карьеру в спецподразделении Святой Европы и получив заочный смертный приговор без срока давности. Ему приходится сражаться с бывшими братьями по оружию, чтобы спасти близких людей, которых он однажды впустил в свою жизнь.

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
1	6
2	10
3	21
4	27
5	38
6	50
7	54
8	64
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	69
9	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Роман Глушков

Эпоха стального креста

Михаилу Яковлевичу Черненку за неоценимую моральную и техническую поддержку с искренней благодарностью

Пролог

*«– Клянусь дьяволом, это голос Бена Гана! – проревел Сильвер.
– Правильно! – воскликнул Морган, приподнимаясь с земли и становясь на колени. – Это был голос Бена Гана!
– А велика ли разница? – спросил Дик. – Бен Ган покойник, и Флинт покойник.*

Но матросы постарше презрительно усмехнулись в ответ на его замечание.

– Плевать на Бена Гана! – крикнул Мери. – Живой он или мертвый, не все ли равно?»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Если попросить любого жителя Святой Европы назвать имена самых известных еретиков за последний десяток лет, то он или она не задумываясь ответят: «Проклятый Иуда, он же Апостол-отступник Жан-Пьер де Люка! И, пожалуй, еще его друг, совращенный им Охотник, братоубийца и клятвопреступник Эрик Хенриксон, тот бывший командир отряда, что когда-то повязал самого Люцифера...»

Все это будет сушая правда, кроме одного: уж кем-кем, а друзьями я и Жан-Пьер не были. Более того, когда он прекратил свое брэнное существование, я даже и не подозревал о том, что имя мое через некоторый промежуток времени начнут упоминать с его именем практически на равных, так сказать, в одной обойме.

Всезнающая людская молва не делает между нами разницы, что вполне объяснимо: грехи наши пред лицом Господа, Пророка и Апостолов столь чудовищны, что молить о прощении кого-либо из этих вышеупомянутых просто бессмысленно. Но если разобраться досконально, кое-какие отличия все же имеются.

Ну, во-первых, грех, совершенный Жан-Пьером, уже понятен из данного ему Пророком прозвища – Проклятый Иуда. Как и Иуда евангельский, он предал своего наставника и благодетеля, испугался, убежал от возложенного на него тяжелого, но почетного бремени Божьего слуги, опозорил своим малодушным поступком святая святых – непогрешимый институт власти Господа на земном анклавe его, носящем гордое имя Святая Европа. Мой же грех не отличался столь глобальным размахом, но был не менее тяжек и уходил корнями в ту стародавнюю эпоху, когда один из первых пастухов ни за что ни про что убил одного из первых землепашцев, доводившегося ко всему прочему ему кровным братом.

Меня не зря приравнивают к Каину-братоубийце – я действительно убивал тех, кого называл братьями и в верности кому присягал на Святом Писании. Убивал жестоко и беспощадно: нападал первым, стрелял в спины, добивал раненых... Они же всего лишь выполняли свой долг, поскольку находились в тот момент у Господа на службе, что только усугубляет мою вину перед ним.

Жан-Пьер де Люка лично никого не убил, и данное обстоятельство можно считать вторым нашим различием. А третье я бы отнес к тем людям, что следовали и за мной, и за ним.

Окружавшие Проклятого сподвижники преклонялись пред его личностью настолько, что без колебаний шли ради него на верную смерть. Эти одержимые люди не считали грех Жана-Пьера изменой. Как раз наоборот, для них он служил ярчайшим примером человеческой смелости и невиданного по дерзости бунтарства – то есть именно тех вещей, которые, по мнению многих романтиков, достойны самого истового поклонения. Последователи гибли, защищая своего кумира, хотя сам он этого ни от кого никогда не требовал.

За мной тоже шли и тоже умирали, но делали это не ради меня и не ради каких-то свободолюбивых идей, коими я сроду не засорял свою черепную коробку, а по более уважительной, более понятной простому человеку с простыми принципами причине, речь о которой и пойдет в дальнейшем повествовании.

На этом можно было бы и ограничить перечисление наших отличий, однако имеется еще и четвертое, и на мой взгляд, не менее важное, но о нем, в противовес первым трем, никто кроме меня знать не может: Проклятый пожалел о том, что ему довелось в процессе его нелегкой и спорной жизни совершить. Пожалел, потому что это ничем хорошим ни для него, ни для его семьи не закончилось. Он пожалел и раскаялся, а я – нет, и каяться ни перед кем, даже перед самим Отцом Небесным, не собираюсь – что сделано, то сделано, я виноват, но совесть моя, как бы дико это и ни звучало, спокойна.

Я знаю заранее, что скажет Инквизиционный корпус по поводу моих откровений: ложь, клевета, наговор чистой воды! Уверяю: это не так. Моя правда, как к ней ни относиться, все равно будет ближе к истине, чем чья-либо другая, потому что я – непосредственный участник и свидетель той невыносимой по количеству пролитой крови драмы, начавшейся на холмистых берегах Нормандии, а завершившейся в дремучих лесах на северо-восточном участке границы Святой Европы. И, лишь выслушав меня, можно будет с полной уверенностью судить, а были ли мы с Жан-Пьером теми монстрами, теми продавшими свои души Сатане хладнокровными отступниками, какими нас принято считать.

«Да будет выслушана и другая сторона!» – гласит незыблемый закон истинного правосудия. Так пусть же останется он в силе и теперь, когда заочный смертный приговор с пометкой «без срока давности» мне вынесен...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СТРЕЛОК

1

«– А теперь, сэръ, – продолжал доктор, – так как мне стало известно, что в моем округе находится подобная особа, я буду иметь над вами самый строгий надзор днем и ночью. Я не только доктор, я и судья...»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

– Какого дьявола!.. – Я, совсем было уснувший, подскочил с нар. За окном, во мраке, грохотали как минимум два байка-«иерихонды». Нашаривая ботинки, я уже было придумал, что устрою отморозкам Ярво и Самми, как вдруг понял – это не они. Звук своих «трещоток» я за столько лет успел изучить до тонкостей и последнее время даже находил в их гвалте какую-то особую прелесть. Партии мотоциклов в симфонии Неудержимой Охоты...

Я накинул форменный кожаный плащ и вышел из трейлера. Снаружи меня уже ждал несущий сегодня караул брат Костас.

– Курьеры? – поинтересовался я.

Он кивнул, и его огромный нос качнулся вниз-вверх, усугубляя сходство Костаса с той, исчезнувшей после Каменного Дождя птицей, чье изображение я, будучи еще кадетом Корпуса, видел в Ватиканской библиотеке: фламинго или как ее там...

Возле длинного, громоздкого по форме, трейлера магистра Виссариона, прицепленного к седельному тягачу, притулились две курьерские «иерихонды», какофония которых меня и разбудила.

– С каких это пор почтовики ездят по двое? – Грек обвел мотоциклы лучом аккумуляторного фонаря.

– Это не почтовики, – я отобрал у Костаса фонарь и осветил номера на байках. – Точно – Парижский магистрат! Курьеры непосредственно оттуда... Разбуди-ка брата Михаила. Кажется, покой и отдых с сестрами ордена Улады Духа откладывается на неопределенное время...

Костас мрачно вздохнул и скрылся в темноте.

Дверь мне открыл дьякон Джером, слуга и секретарь магистра Виссариона, по совместительству отрядный медик.

– Прошу вас, брат Эрик, – и он повернулся полубоком, приглашая войти.

Спальный отсек и одновременно рабочий кабинет инквизитора занимал первую, гораздо меньшую, чем вторая, часть фургона. Остальное его пространство было отдано под Комнату Правды. Чтобы протиснуться внутрь мимо обширного, как винная бочка, живота Джерома, мне пришлось предельно поджать свой (дьякон не мог этого сделать чисто физически). Закрыв за мной дверь, это массивное создание прошаркало следом в не очень просторную магистерскую обитель.

А здесь и без него было тесно. Два вооруженных до зубов курьера заполнили собой практически весь кабинет. Сам магистр, хмурый и заспанный, сидел за столом и с усердием дышал на свою магистерскую печать парами кагора, а крысиные глазки его в это время бегали по строкам доставленного документа. Ухмыльнувшись, он отложил бумаги в сторону и проштамповал протянутый курьером бланк, удостоверив тем самым получение информации.

– Останетесь до утра? – зевая, спросил Виссарион парижан, проявляя наивысшую форму присущего ему гостеприимства.

– Благодарим вас, нет, ваша честь, – ответил один из них, пряча бланк в планшет. – Завтра к утру мы должны найти отряд Гонсалеса. Так что всего вам наилучшего и... удачной охоты!

Магистр в ответ лишь сдержанно кивнул. Откланявшись, курьеры протопали к двери, гремя сапогами по стальному полу отсека. Спровадив их, Джером извлек из-под нар веник и принялся сметать грязевые ошметки с курьерской обуви, одной рукой при этом придерживаясь за стену. Периодически его качало то в одну, то в другую сторону – в отличие от предыдущего нашего экзекутора магистр Виссарион не любил причащаться церковным вином в одиночку.

– Садитесь, брат Эрик, – он откинулся в кресле и холодно посмотрел на меня – пожилой человек, годящийся мне в отцы. Его серая инквизиторская ряса-балахон вместила бы двух таких, как он. Тонкие кисти рук с кривыми артритными пальцами да лысеющая голова на дряблой шее – вот и все, что выступало за пределы бесформенного одеяния. Держался он всегда немного официально, даже несмотря на те полтора месяца, что мы провели в совместном рейде.

В отличие от Виссариона его предшественник магистр Конрад уже через неделю пути отказался от уставного «брат» и стал позволять себе обращаться к подчиненным «милейший», а то и «разлюбезнейший», чем несказанно бесил добрую половину бойцов моего отряда. «Разлюбезнейший Гюнтер, – смотрит этот полненький коротышка со своих полутора метров на двухметрового квадратного германца. – Где-то здесь я обронил свою печать. Найдите ее, будьте добры!» Кулаки брата Гюнтера сжимаются, и он переводит тяжелый конрадоненавистнический взгляд на меня. Я развожу руками: он здесь хозяин, подчиняйся! Набывчившись, гигант опускается на землю и, стоя на четвереньках, вяло перебирает траву граблеобразной пятерней. «Эрик, дружище, вам надо почаще гонять своих людей! Ну посмотрите: где рвение, где здоровый энтузиазм? Стыдно, молодой человек...» – сокрушается над ним Конрад. Наконец Гюнтер находит-таки злополучную вещицу и, вернув ее владельцу, проворно ретируется с глаз долой, лелея в душе несбыточную надежду когда-нибудь лично усадить коротышку на Трон Еретики в Комнате Правды. «Право и не знаю, как мы с вами будем сотрудничать при такой дисциплине, брат Эрик...» – вздыхает ему вслед магистр.

Снаружи снова затарахтели моторы, и их дребезжащий звук постепенно растворился в тишине ночи.

Усатая физиономия Михаила заглянула внутрь отсека, и сей достойный брат вежливо испросил разрешения войти.

– Да, конечно, проходите, садитесь, – Виссарион кивком указал ему на нары Джерома, после чего приступил к делу. – Как вы уже поняли, командировка наша продлена. Я понимаю, что мысленно вы давно уже с сестрами Услады Духа, но поверьте – сейчас у нас будет шанс действительно отличиться перед Пророком, Апостолами... и Всевышним в том числе...

Магистр подал знак, и дьякон наполнил его стакан водой из графина. Я уже догадался, о чем пойдет речь:

– Париж узнал, где Проклятый, ваша честь?

– Истинно так!

Брат Михаил, не в силах скрыть эмоции, на радостях стукнул себя кулаком по ладони. Джером, стоявший как раз перед ним, испуганно дернулся и расплескал воду, ненароком обрызгав и моего заместителя. Михаил недовольно отряхнул штанину, после чего пробурчал себе в усы:

– Знаете, дьякон, а вы очень нервный. И говоря по совести, вас бы не помешало сейчас слегка вздуть ...

– Право слово, видит Бог, я не нарочно вас... вам...

– Клянусь моими обоженными усами, Давид Голиафу тоже так сказал, когда по черепу ему...

Маленькая ладонь Виссариона со звучным хлопком опустилась на стол. Теперь вздрогнули мы все.

– А ну прекратить богохульство в моем присутствии! – вскричал магистр. – Брат Эрик, если вы в ближайшее время не наставите своего заместителя на праведный путь, я подам на него рапорт за моральное разложение по прибытии в Ватикан!

– Не стоит, ваша честь, – я выразительно посмотрел на Михаила. – Он уже исправился. И будьте уверены: это больше не повторится – я вам обещаю... Михаил!

– Так точно, ваша честь! – с готовностью выпалил тот. – Нигде и никогда! Готов прыгнуть на чем угодно, хоть на... Короче: виноват – исправлюсь!..

«Зачем вы держите у себя в отряде этого разгильдяя русского? – вопрошал меня за месяц до этого Виссарион. – Удивляюсь, как он закончил учебу в свое время! Вам самому не кажется, что его ничемные сентенции и открытое пренебрежение Святым Писанием разлагают моральный и боевой дух вашего подразделения?» – «Он верный слуга Господа, Пророка и Апостолов, ваша честь, – ответил я тогда. – Вы, конечно, правы – есть за ним грехи, но он активно с ними борется». – «По-моему, недостаточно активно, – усомнился магистр. – А впрочем, вам видней, вы его лучше знаете...»

Да, я знал его неплохо. Боевую Семинарию Михаил окончил на два года позже меня и в Братстве начинал служить при Варшавском магистрате, где и дошел благодаря своей пронырливости до звания командира отряда. Его подразделение усиливало мое при восстании еретиков Новой Праги и было практически полностью уничтожено в той мясорубке. Там и началась наша дружба... После тех событий вакансий и у меня было предостаточно, а потому я добился перевода Михаила и двух его сослуживцев – брата Вацлава и брата Дмитрия – к себе в Одиннадцатый отряд при Главном магистрате. Неплохая получилась карьера для русского в Святой Европе. Так что он был обязан мне положением. Я же был обязан ему ни много ни мало самой жизнью...

Михаил пригладил свои растрепанные волосы и покорно прикусил язык. Виссарион еще долго смотрел на него, потом, откашлявшись, продолжил:

– Проклятый Иуда на острове Мон-Сен-Мишель. Со своими детьми и сподвижниками. Похоже, чего-то или кого-то ждут. Постоянно следят за морем, выставили пост на дамбе. Делают вылазки по побережью. Там их и засекли местные Добровольцы Креста. Очевидно, эта сволочь спелась с наставниками детского приюта в монастыре Ла-Марвей, который, как вы должны помнить, находится на том же острове. Он часто бывал там незадолго до своего грехопадения, но по чьей-то халатности это богоугодное заведение выпало из поля нашего внимания. Ничего, теперь разберутся, накажут... Так или иначе – деваться ему оттуда некуда. Люди местного пастора совместно с Добровольцами, не привлекая к себе внимания, расположились по периметру и ждут нас. Предатели же пока ни о чем не подозревают.

Магистр выпил полстакана воды.

– Сколько отрядов привлечено и кто главный Охотник, ваша честь? – Я сразу просек, что запевалями будем не мы. Проклятый Иуда – отступник государственного масштаба, и хотя мой Одиннадцатый уже успел прогреметь по стране в последнее время, ему все равно бы не доверили ловить его в одиночку.

– Мы совместно с отрядом Карлоса Гонсалеса поступаем в распоряжение магистра Аврелия и брата Бернарда. Встреча в Рене. Местный епископ насчет конфиденциальности и всего остального строго предупрежден...

Аврелий и Бернард – лучших людей для этой Охоты найти было нельзя.

...У полевых магистров Главного магистрата существует график выезда в рейды. Мало кому из них это нравится – мягкие кресла Ватикана гораздо приятнее узких нар походных трейлеров. Но количество командировок было прямо пропорционально количеству регалий и объему пенсионного пособия ордена Инквизиции, поэтому к рейдам относились как к унылой, но почетной обязанности. Складывались чемоданы, брался из резерва отдохнувший отряд Охотников и где-то на просторах Святой Европы кто-то начинал усердно молиться во спасение своей души.

Аврелий и Бернард работали вне графика. Альянс этой пары был столь эффективен, что приказом Апостола Инквизиции оба они выезжали только совместно и только на дела высшего приоритета: восстание еретиков Новой Праги; бунт пограничной общины в Киеве; ликвидация невиданной по размеру и наглости секты Пожирателей Святой Плоти, считавшей, что каждый убивший и съевший Служителя Господа и Веры автоматически становится святым и чем большее количество раз он повторяет эту процедуру, тем больше увеличивает свою святость. К успехам Аврелия и Бернарда относятся и возврат в лоно истинной Веры десятков заблудших душ (преимущественно перед отбытием оных на Суд Божий, разумеется), а также организация встреч различного рода сатанистов и демонопоклонников со своими кумирами посредством предания нечестивцев Очищению Огнем... Всего не перечислить. За столь продуктивную деятельность и было присвоено им почетное право именоваться Первым отрядом. Где-то в архивах нашей канцелярии, вероятно, до сих пор среди множества других лежит и мое прошение десятилетней давности о зачислении меня в отряд брата Бернарда, в те годы еще не Бернарда-Мясника, ведь до Новой Праги оставалось четыре долгих сезона рейдов...

– ...Готовьтесь, брат Эрик, – подытожил магистр Виссарион свой доклад. – Отправляемся через час.

2

«...Я разглядывал резные фигурки на носах кораблей, побывавших за океаном. Я жадно рассматривал старых моряков с серьгами в ушах, с завитыми бакенбардами, с просмоленными косичками, с неуклюжей морской походкой. Они слонялись по берегу. Если бы вместо них мне показали королей и архиепископов, я обрадовался бы гораздо меньше».
Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Боевая Семинария – пятнадцатью годами ранее

Мой отец всю жизнь прослужил у магистра Брюссельского магистрата, нареканий не имел, а потому для него не составило труда уговорить хозяина помочь устроить меня в Кадетскую Боевую Семинарию при Главном магистрате. Принимались туда в основном дети граждан среднего сословия – пасторов, дьяконов и служащих силовых структур. Принимались без ограничений, ведь через пять лет жесткого физического, морального и идеологического отбора их оставалось на выпускном курсе от силы четверть. Отчисленные же пополняли собой ряды Защитников Веры, слуг и помощников при различных епископатах. Поэтому отец особо и не надеялся, что я выйду когда-нибудь из ворот Боевой Семинарии в кожаном плаще со стальным крестом на петлице и лихо напяленном на голову сером берете Братства Охотников. Но в чем-то наивный человек, шанс сделать меня в жизни счастливым он использовал, за что я, конечно, ничего, кроме слов благодарности, ему сказать не могу. Точнее, уже не скажу. Он умер, когда я учился на предпоследнем курсе.

Моя мать в противоположность шведу-отцу была с юга и носила в себе горячую кровь испанского падре. Занимаясь целыми днями воспитанием магистерских отпрысков, по вечерам она пыталась вложить в мою голову остатки тех наук, что пережили Каменный Дождь, полученных, в свою очередь, от своего довольно образованного папаши. Иногда ей удавалось взять кое-что взаймы из обширной библиотеки магистрата (тот отдавал предпочтение классической художественной литературе далекого прошлого), тем самым делая мое детство куда красочнее, нежели у остальных моих, лишенных доступа к «говорящей бумаге», сверстников. Так что ранние свои годы я провел в компании более интересных книг и менее занудных сочинителей, чем те, которые трудились над Святым Писанием.

В общем, поступив на первый курс Семинарии, я уже сносно читал и писал, производил арифметические вычисления и пытался вникнуть в элементарные законы физики. Но особенно манила меня история, любовь к которой перешла ко мне от любви к литературе.

Мать пережила отца на восемь лет. На похороны я не попал – был как раз в очередном рейде, – но магистр позаботился обо всем как надо, ведь воспитанные матерью его дети успешно учились в Апостольской Высшей Академии...

По-настоящему столкнуться с Писанием мне пришлось лишь в Боевой Семинарии, где я под чутким надзором духовных наставников с грехом пополам добил эту, как они выражались, Книгу Книг, до последней главы. Сказать по правде, на фоне всего того, что я уже прочел до того момента, – а это, к слову, были классики в лице Стивенсона, Скотта, Дефо, Верна, Уэллса и многих-многих других, – она не произвела на меня того благоговейного впечатления, как ожидалось. Увы, но Моисей казался мне лжецом и фокусником, Давид – обыкновенным романтическим героем, а пророки просто больными на голову людьми.

Но в Семинарии такая оценка Писания отнюдь не приветствовалась. Здесь можно было читать по слогам, делать при письме все мыслимые и немыслимые ошибки и не знать таблицы умножения, однако если ты путал кого-либо из сочинителей сонма пророческих книг-воплей друг с другом, наказывали беспощадно. На первых порах процесса обучения я начал было по неопытности заваливать преподавателей вопросами наподобие: «Каким образом

можно вывести из Египта всего за одну ночь такую уйму народа без элементарных средств коммуникации и связи?», «Не обязан ли Даниил своим чудесным спасением тому, что львы просто обожрались другими врагами царя Дария?» или «Почему Господь столь мелочен и злопамятен, тогда как для высшего существа должно быть характерно и столь же высокое великодушие?» Десяток-другой ударов палкой, неделя карцера и угроза отчисления (что стало бы позором для отца) сделали свое дело – остаток срока учебы я прилежно пел псалмы, восторгался божественной справедливостью и восхищался мужеством Христа (однако в будущем, когда мне случилось прочесть о видах казни, что культивировали мои предки по отцовской линии, древние скандинавы-викинги, римское распятие стало казаться мне чем-то вроде ярмарочного аттракциона). Но вопросы продолжали накапливаться.

И особенно по моему самому любимому предмету – новой истории. Написанный на возвышенной ноте семинарский учебник вызывал здоровый крепкий сон уже со второй страницы, поэтому я стал регулярно посещать кадетский зал Ватиканской библиотеки, надеясь докопаться там до корней нашей цивилизации, а особенно до того явления, которое мне еще с детства было известно как Каменный Дождь.

Авторы всей найденной мной в кадетском зале литературы по данному вопросу были солидарны: его наслал на перемудривших со своими грехами древних Всевышний, исполнились пророчества Иоанна Богослова; настал Страшный Суд, Господь отсортировал праведников и грешников, а кто не спрятался, он не виноват... И все, плюс-минус некоторые детали в зависимости от фантазии писавшего, однако, разумеется, не выходя за рамки дозволенного. Книжки на моем столе менялись с немыслимой скоростью, но туман над загадкой не рассеивался...

И тут меня выручил смотритель кадетского зала библиотеки дьякон Захарий. Понаблюдав, как я битых полдня чешу лоб над одним абзацем, он подсел ко мне за столик, уткнул свой испачканный чернилами палец в книгу, будто бы объясняет нерадивому отроку смысл прочитанного, а сам еле слышно стал нашептывать мне в ухо о том, что, дескать, ценит увлеченность молодого кадета историей, но в имеющейся здесь литературе мне навряд ли попадется материал, который нам не дают на занятиях.

Поймав мой вопросительный взгляд, Захарий огляделся по сторонам и еще тише добавил, что здесь сыро и пыльно, а пожилому смотрителю надо хорошо питаться ради профилактики туберкулеза, и если бы отрок презентовал ему некоторую сумму, он мог бы принести что-нибудь из зала Главного магистрата.

– Что вы можете достать? – заинтригованно спросил я.

– «Хроники Паоло Бертуччи», – одними губами продышал Захарий.

Разумеется, я слышал об этом человеке и о его работах. Безногий итальянец, ставший калекой после Каменного Дождя, Бертуччи начал писать свои «Хроники...» через несколько лет после данного события – тогда, когда всему остальному миру было важнее набить желудок и не умереть от холода. Он был отцом пятерых сыновей, потерял четверых, но оставшийся опекал его до самой смерти. Говорили, личностью Бертуччи был высокообразованной и беспристрастной, а потому как свидетель безусловно заслуживал доверия в своих оценках.

– Но нам сказали, что последние экземпляры его книги были уничтожены пожаром! – недоверчиво посмотрел я на Захария.

– Тебе много чего будут говорить в жизни, мой друг, – снисходительно промолвил дьякон. – Много чего... Так согласен или нет?

– Сколько? – спросил я в лоб.

Он назвал сумму, и я понял, что на ватиканской ярмарке лотки со сладостями не увидят меня как минимум полгода. Но тем не менее мы ударили по рукам.

На тот момент я не располагал подобной суммой и мне пришлось дожидаться стипендии, после чего добавлять ее в кое-какие личные сбережения, откладываемые мной на «чер-

ный день» довольно длительное время (всегда считал себя экономным, но некоторые кадеты, проедавшие свое содержание в первые пару дней после его получения, за глаза называли меня лаконичнее: жмот!).

Получив деньги, Захарий вскоре приволок мне весьма объемный и замусоленный донельзя фолиант.

– Прошу простить, молодой человек, но она была списана еще в прошлом году, – сказал дьякон в оправдание отвратительного внешнего вида книги. – Да и хранение за канализационной трубой не пошло ей на пользу. Само собой, клейма я вывел, но если ее у тебя обнаружат, надеюсь, ты не предашь старого друга?

Я пообещал не предать. Захарий мне не поверил. Тем не менее, фолиант отдал.

Отодрав от стены кельи фанерный щит, я уложил книгу между каменной кладкой и обшивкой, приставил обратно фанеру, затем расколупал отверстия от гвоздей, дабы те свободно входили и выходили, после чего прикрепил все это на место. Конспирация была обеспечена. В довершение ко всему, извлекая книгу из тайника, я всегда надевал на нее суперобложку от Святого Писания – черную, с тисненым золотым крестом, – и теперь всяк случайно забредший ко мне надзиратель мог удостовериться, что молодой кадет и в свободное от учебы время исправно постигает вечные истины Книги Книг. А настоящая-то истина и скрывалась как раз под чужой личиной...

Паоло Бертуцчи знал, что потомки не поймут названия многих вещей его времени, поэтому старался пользоваться только доступными выражениями. Но даже с учетом этого я не уверен, что вник абсолютно во все главы «Хроник...». Для лучшего усваивания я по нескольку раз перечитывал каждое предложение, каждый абзац, и вот наконец более или менее ясная картина прошлого встала у меня перед глазами...

К середине двадцать первого века развитие цивилизации было на несколько порядков выше, чем сейчас. Наверняка мы тоже когда-нибудь придем к такому – кто знает? – но все равно даже в голове не укладывается: полеты во все концы Земли на стальных машинах с крыльями; умопомрачительные виды связи; электричество везде – от дворцов до захудалых сараев; железные дороги и сильнее всего поразившие меня думающие машины, которые, если Бертуцчи не лгал, за минуту могли найти ответ на все задачи, решенные мной в течение пяти лет учебы! А также оружие. Оружие, способное в одно мгновение сровнять с землей огромные города той эпохи.

И все это закончилось. В один день...

Мне трудно вообразить такое, но у людей прошлого было ночное светило – так называемая Луна. Считалось оно естественным спутником Земли и вращалось вокруг нее по орбите диаметром в четыреста тысяч километров (я прикинул – от Ватикана до пограничного города Ватиканской епархии Турина и обратно мне пришлось бы для покрытия подобной дистанции проехать триста тридцать три раза!). Бертуцчи приводил чертежи и расчеты, каким образом это светило можно было наблюдать в различные дни месяца, да и сама длина месяца, как выяснилось, тоже рассчитывалась из движения Луны. Когда она виделась целиком, отражаемый ею по ночам солнечный свет «мягко окутывал Землю» и «создавал картины неповторимой красоты». Безногий итальянец, очевидно, являлся в душе поэтом, потому что у меня не получилось бы так живописно вспоминать об отнявшем у тебя все: детей, здоровье, спокойную старость, привычный мир, наконец.

Он не мог сказать ничего особенного о том дне – день как день. Только вдруг к полудню небо из голубого стало ослепительно белым и взгляды на него вызывали в глазах непереносимое жжение. Люди выходили из домов, недоуменно кричали и показывали вверх пальцами. Грешили на солнце, но вскоре все это исчезло, и оно оказалось на своем положенном месте. А западное побережье ни с того ни с сего захлестнула невысокая, но движущаяся со

страшной скоростью волна, хотя отлив по времени еще и не закончился. Она обрушилась на берег, снося дамбы, выбрасывая из моря легкие суда и круша портовые доки. В радиоэфире появились первые нотки паники – что-то случилось с Луной. Я пишу «радиоэфир», но это только тот вид связи, о котором мне известно абсолютно точно – он был и он есть сейчас. На самом деле в прошлом преобладали некие более совершенные способы: какое-то «видение» и какая-то «глобальная сеть». Ученые дьяконы утверждают, что запаянные стеклянные колбы, что в изобилии попадаются искателям, предназначались именно для этого.

До вечера произошло еще много событий: умолкло птичье пение; собаки все как одна подняли ужасающий вой, и успокоить их было нельзя; дикие животные выскакивали на улицы городов и деревень и там, не замечая людей, металась между стен и заборов. Некоторых убивали, некоторые убегали восвояси. Рыбаки уверяли, что и рыба под водой вела себя подобным образом.

Общая тревога передалась и людям. Собираясь небольшими группами, они глядели на безоблачное небо, негромко переговаривались и ждали официальных заявлений от ученых мужей. С противоположной стороны Земли доходили различные – успокаивающие и наоборот – новости, но поскольку все они противоречили друг другу, то доверия особого не вызывали. Ученые же будто сговорились хранить обет молчания.

Наконец наступил вечер, и кроваво-красное солнце скрылось за горизонт, не предвещая ничего хорошего...

Представшее пред жителями Европы зрелище не поддавалось никакой логике: яркая, еще сутки назад находившаяся во всей красе полнолуния, владычица ночи отсутствовала на строго определенном ей участке небосклона. Вместо нее треть неба занимало огромное, рваное, матово фосфоресцирующее облако...

Ночью кое-где еще работали предприятия и транспорт, но, как записал Бертулчи, «вся планета замерла в молчании, ожидая Страшного Суда».

Судья на заседание не явился. Явился Палач...

С каждой минутой облако увеличивалось в размерах. Через два часа оно накрыло более половины небосклона, становясь при этом темнее и прозрачнее. Сверкнули несколько метеоров, но отныне ни одному желанию не суждено было сбыться.

Паоло Бертулчи не знает, где упали первые «капли» Каменного Дождя. В единый миг небо взорвалось огненными трассерами и рухнуло на землю...

«Я не астроном, хотя и прочитал много книг по этой теме, – писал итальянец. – Я могу произвести лишь приблизительные вычисления. Наиболее вероятная версия: в невидимую сторону Луны врезалось некое космическое тело. Его размеры и скорость были настолько чудовищны, что земная спутница показалась ему не прочнее яблока. Очевидно, телом этим была одна из не замеченных обсерваториями космических скиталиц – миниатюрная комета. Ледяное ядро кометы согласно законам физики из-за мгновенного давления в связи с ударом немислимой силы моментально перешло из ледяного состояния в газообразное. Это привело к мощному взрыву. Луна разлетелась на сотни миллионов осколков, самый крупный из которых был чуть более десяти тысяч тонн. Адское облако, растягиваясь в пространстве, ринулось в сторону Земли. Первые, самые легкие, осколки Луны настигли планету через пятнадцать часов и на скорости около восьми километров в секунду вошли в атмосферу...»

Трудно представить, что переживал Бертулчи, когда вновь заставлял себя вспоминать случившееся. Апокалипсис на древних гравюрах выглядел куда как привлекательнее, чем то, что довелось лицезреть этому бедняге...

Со всех сторон взметнулись клубы пыли, и ударная волна сбила его с ног. Бертулчи лишь успел заметить, как три находящиеся невдалеке от него здания обвалились, брызгая стеклами и вспыхивая огнем. Контуженный Паоло пытался ползти, но что-то тяжелое лежало на его ногах, не давая сдвинуться с места. А земля под ним содрогалась...

Очевидно, большая часть жителей восточного полушария погибла в первые часы бомбардировки. Миллионы тонн пыли подняло на несколько километров. Люди задыхались, гибли от осколков, горели в своих разрушающихся домах... Взрывались арсеналы и склады топлива. Специалисты того времени утверждали, что сверхразрушительное оружие не способно работать само, однако кое-где это случилось. В других местах действительно не работало, но выбежавшая из него незримая смертельная энергия заразила гигантские территории. Рушились плотины, пробуждались вулканы, в океанах сталкивались титанические волны, начисто смывая острова и архипелаги. А Земля в своем извечном вращении подставляла под удары все новые и новые площади...

Спустя двадцать часов после начала Конца Света настала пора завершающего аккорда этого реквиема. «...Последние четыре-шесть часов, вероятно, падали самые крупные осколки Луны. В большинстве своем их поглотил Тихий океан. Скорее всего материка Австралия, как и островов Индонезии с Новой Зеландией больше не существует. Тихоокеанское же побережье других материков просто-напросто смыло в бездну...»

Паоло Бертуцци уверен, что погибло около семидесяти процентов населения Земли. Но, вероятно, гораздо больше. Голод, холод, болезни, тонны пыли и психологический шок убили еще многих и многих. Сам безногий итальянец тоже умер до того, как первый увидевший свет после Каменного Дождя и огласивший криком мрачные серые руины ребенок остался в живых.

«...И все же нам повезло. Во-первых, Луна спасла Землю, хоть и искалечила ее на долгие годы. Космический убийца мог ударить и по нам, не оставив человечеству вообще никакого шанса. Во-вторых, каменное облако разлетелось на огромной площади и мимо пронеслось куда больше обломков, нежели попало в цель. В-третьих, те, что попали, были мизерными по понятиям Космоса, разреженность их являлась высокой, а скорость все же не оказалась для Земли смертельной. К примеру, скорость изученных наукой метеоритов в три, в четыре раза больше... Глупо, конечно, считать это везением, но, если вдуматься, никто из вас никогда бы не прочел эти строки, будь наша катастрофа ужаснее...»

История подтвердила, что Паоло Бертуцци был прав. И ничего бы не являлось в его трудах таким уж крамольным, если бы он не сопровождал свою книгу столь богоненавистническим послесловием, по современным меркам тянущим не иначе, как на Очищение Огнем. Вот только выдержка из него:

«...Ни один грех в мире, ни совокупность этих грехов не заслуживают такой бесчеловечной кары. Дети мои, если Господь сотворил такое, значит, не он наш отец. Отрекитесь от него, ибо он отрекся от вас первым. Если же это дело рук Дьявола, все равно отрекитесь – вам не нужен этот немощный Бог, бросивший на произвол судьбы тех, кого обязан был оберегать и защищать. Или это и есть его безграничная к вам любовь? Будьте сами себе хозяевами, полагайтесь только на свои силы...»

Сейчас за подобные речи Бертуцци не дожил бы до старости. Так что неудивительно, что его «Хроники...» разом пропали из всех библиотек – суровые слова свидетеля и жертвы Каменного Дождя никак не вписывались в наше святоевропейское настоящее...

Да простят меня многоуважаемые авторы кадетских учебников по новой истории, далее я буду ссылаться не на них, а на книги, носящие в правом верхнем углу обложки штамп «Только для служебного пользования Главного магистрата». Дьякон Захарий, узревший в моем лице весьма благодатный финансовый источник, продолжал за небольшую мзду таскать интересующую меня литературу. Со временем он осмелел настолько, что стал заимствовать материалы действующих фондов. Дабы не отвлекать и без того по горло загруженную работой машину правосудия на ничтожного дьякона при его вероятном провале, эти книги я добросовестно ему возвращал, за что польщенный старик в долгу не остался и сделал мне

довольно солидную скидку. Теперь я снова мог позволить себе по выходным заходить в ярмарочные кондитерские ряды. Я также предложил Захарию вернуть и списанную литературу (разумеется, из сугубо корыстных целей – а вдруг он хоть немного скостит свои расценки), но ее смотритель брать назад отказался:

– Негде хранить, молодой человек. А не дай Бог найдут – буду до конца жизни библиотекарем где-нибудь под Киевом...

Как ни прискорбно, но пришлось смириться с неизбежным и предать огню на городской свалке содержимое стенного тайника, что подрывало мою репутацию отличника Семинарии (да, на втором курсе меня угораздило им стать – палка наставника сыграла-таки свою роль!). Я стоял посреди гор мусора, смотрел на обугливающиеся пожелтевшие страницы и плакал, ибо что могло быть для меня печальнее в тот период жизни, чем горящие «Хроники Паоло Бертуччи»? Однако я отвлекся...

Век Хаоса – самое темное пятно нашей истории. Сын Бертуччи по неизвестной причине дело отца продолжить отказался, других летописцев еще не появилось, а наши имели об этом отрезке времени весьма приблизительное понятие. Можно только предполагать, что делалось, когда осела пыль, унялся огонь и успокоились вулканы. Но известно абсолютно точно – ни одно государство как объединяющая людей сила не сохранилось. Люди сбивались в группы, хоронили мертвых, собирали уцелевшие вещи и продовольствие, уходили из мест, зараженных невидимой смертельной энергией, строили новые укрепленные поселения, восстанавливали наименее разрушенные старые, безусловно, воевали из-за пропитания, техники и пригодных для жизни территорий.

Помимо желания выжить всех спланировала и еще одно: психика оставшихся на планете жителей претерпела колоссальные изменения. Пережитое, похоже, надломило людские души. Но вопреки всему, даже тому, что смертность продолжала оставаться катастрофической, на изувеченной воронками земле начали рождаться первые дети. Забрехала новая надежда.

Именно надежда и послужила причиной становления нашей эпохи в том виде, в каком она пребывает теперь...

К концу Века Хаоса на нынешних пространствах Святой Европы проживало около восьми-десяти процентов населения от того количества, которое встретило Каменный Дождь. Люди по привычке тянулись к большим городам и столицам исчезнувших стран. Там еще можно было разжиться кое-какими вещами, найти сносный кров, оружие, единомышленников. Появились крупные племена с присущей им иерархией.

Местами обнаруживались неразрушенные хранилища топлива, а кое-где нефть научились перегонять сами, получая довольно сносный продукт переработки – бензин. Ремонтировалась не окончательно разбитая техника. Народные умельцы собирали совершенно неправдоподобные, но с грехом пополам функционирующие агрегаты и автомобили.

Борьба за электричество была самой нелегкой, однако практически во всех крупных городах по старым чертежам из старых комплектующих сооружались маленькие электростанции для нужд лесопилок и прочих ремесленных предприятий. Часто они переходили из рук в руки в результате кровавых столкновений племен и кланов. Дошло до того, что захватывать друг у друга эти жизненно важные ценности стало хорошим тоном. Жизнь человеческая на фоне этого потеряла всякую стоимость...

Вера в Господа как Отца, Повелителя и Покровителя всего сущего, сама собой, выжила и под Каменным Дождем. В Век Хаоса лишь тлея, теперь она охватила пожаром всю Европу, обрела немыслимое число приверженцев. Слабые, униженные, отчаявшиеся люди легко впитывали слова новоиспеченных священников, вооруженных древними общечеловеческими истинами, существовавшими еще задолго до канонизировавшего их Моисея.

Повсеместно стало твориться то же, что и во все времена из века в век: тот, кто умел работать языком, предпочитал не мозолить руки. Так, совершенно естественным путем, появилось первое поколение пророков, вскармливаемых, одеваемых и защищаемых верной паствой в обмен на гарантии прелестей Рая после смиренной и праведной (читай: беспрекословно подчиненной пророческим прихотям) жизни. А много ли надо для счастья унижаемым и гонимым людям?

Но вернемся несколько назад.

Несмотря на разрушительную мощь, Каменный Дождь пощадил достаточно малых и средних городов. Приняв на себя удары одного-двух камней, они в основном пострадали от последующего разграбления оставшимся за их пределами выжившим населением. В это число входил и Ватикан. Единственный полутоннажный булыжник разнес здесь площадь св. Петра, обрушил фасады прилегающих к ней зданий и поджег Сикстинскую капеллу. Было завалено обломками и сгорело в огне много высших церковных чинов, швейцарских гвардейцев, а также туристов-паломников, бросившихся спасать бесценные памятники культуры. Но еще больше полегло их в тот момент, когда воды горного озера Браччано хлынули в реку Тибр. Несколько многотонных разогретых осколков довели озеро до температуры кипения, а один разбил изолирующую его рельефную преграду. Горячая вода ворвалась в Рим с Ватиканом, потушила пожары, однако сварила заживо большую часть граждан древнего города, включая и мирно сосуществующих с ними Господних слуг.

В дополнение ко всему на Рим рухнули еще три небесных убийцы, безжалостно похоронив под собой практически всю столицу древней Италии, но по чистой случайности не повредив строения Ватикана. Выжившие братья по Вере усердно молились на протяжении всей последующей смуты, образовав нечто вроде монастырского братства, питаясь и одеваясь, чем пошлет Бог да пожертвуют сердобольные римляне, и без того влачившие жалкое существование. Монахов неисчислимо количество раз грабили и убивали, но они продолжали взывать ко Всевышнему, иногда принимая в свои ряды новых членов ради поддержания жизни дряхлеющей религии. Позже, поняв, что одними молитвами желудок не обрадуешь, монахи обзавелись натуральным хозяйством, ведя полукрестьянский-полумонашеский образ жизни на ниве духовного бытия.

Именно такими и застал их Пророк Витторио в начале взлета своей головокружительной карьеры...

Пророк ничем не выделялся среди ему подобных, но, видимо, Витторио посчастливилось родиться в нужное время и в нужном месте. В молодости острый на язык и невероятно смысленный юноша досконально изучил наследие пророков Ветхого и Нового заветов и усвоил одну интересную в психологическом плане закономерность: если регулярно и настойчиво нести при большом скоплении народа облеченную в живописные литературные рамки абракадабру, а также выплескивать из себя со страстью театрального артиста общие, по сути ничего не значащие фразы, обязательно среди слушателей отыщется тот, кто так или иначе свяжет их с каким-либо глобальным событием будущего. «Смотрите, а ведь он говорил! Он знал! Он предупреждал!» – согласно кивая головами тут же подхватит толпа и впадет в суеверный трепет подобно той группе неприкаянных, которая некогда ступала след в след страдавшему от отсутствия еще не изобретенного компаса, а потому рисовавшему по пустыне замысловатые зигзаги Моисею. Так что рано или поздно, но перед именем твоим имеет все шансы появиться приставка «пророк», а при более удачном попадании из прошлого по будущему даже «святой», со всеми вытекающими: популярность, слава, уважение и, разумеется, власть!

Проверка теории на практике не заставила себя долго ждать.

«Вижу, вижу я, граждане Рима, тот день, когда будете вы есть землю из-под ног ваших, ибо не покаетесь предо мной, устами Господа вещающим! Не исповедались, нечестивцы,

во грехах ваших, не искупили их жертвою малою либо великою, от размера прегрешения зависимою! Так падет же на вас суровая кара небесная и не обрящете вы спасение свое! – выпучив глаза и воздев руки к небу, стонал молодой Витторио, преклонив колена в жаркий летний полдень на ярмарочной площади. А после катался по земле, истощно завывая: – Прости их, Отец, прости, если еще сможешь!..»

Через год на едва взошедшие посевы откуда-то из Африки налетели стаи саранчи. Плодилось она там в геометрической прогрессии – безлюдные пространства в немалой степени этому способствовали, – и кое-где в Европе уже были зафиксированы единичные случаи ее появления. Не сказать, что урон от налета насекомого-агрессора получился тотальным, но тем не менее урожай по осени собрали скудный, и крестьяне, опасаясь в первую очередь за свои семьи, не горели желанием везти его на продажу в Рим. В городе запахло голодной и безрадостной зимой.

Как обычно, паника в несколько раз преувеличила реальную угрозу, и самым ярким ее возбудителем послужил вживавшийся в свой новый образ молодой амбициозный горожанин, прозорливо уяснивший, что Удача только что вложила хвост прямо в его цепкие руки. Уж он-то не дал о себе забыть!

«Наш пророк Витторио!» – только так именовали его теперь горожане, большей частью представлявшие собой обыкновенных набожных обывателей. И пускай проблема голода никуда от этого не исчезла, для Витторио она более не являлась актуальной. Отныне в Риме было правилом делиться с божьим человеком последними крохами, чтобы тот замолвил словечко за тебя и за твоих близких пред высоким своим покровителем, чем он с превеликим удовольствием и занимался, уединяясь на Капитолийском холме. Обращенные к небесам молитвы Витторио обычно сочетал с занятием менее возвышенным – поеданием втихомолку крестьянских и прочих даров, которыми он вообще-то обязан был умиловить разгневанного Господа.

Скептически настроенная часть граждан стала со временем замечать за пророком одну интересную тенденцию – когда подавания ему по какой-либо причине скудели, а то грозили иссякнуть и вовсе, мрачнее становились и выдаваемые им прогнозы, но если молоко в его кувшинах успевало прокисать невыпитым, а хлеб плесневет несъеденным, то счастье и благополучие должны были ожидать подающего. Однако остальная масса обожавшего Витторио населения была абсолютно слепа в своей любви, а потому просто-напросто не обращала внимания на подобные мелочи. Для всех для них он олицетворял талисман удачи, посланный на землю не иначе как свыше. Сам Витторио, понятное дело, никого никогда в этом не разубеждал.

Слава о пророке снежным комом прокатилась по Риму и окрестностям, обрастая по пути все новыми, порождаемыми людским воображением, домыслами. Последователи у него отыскивались даже в среде властей предержавших – дон Джакомо, чей клан считался в пределах Рима правящим, сделал Витторио вхожим в свое окружение, за что впоследствии горько (но, правда, недолго) жалел. Вскоре пророк уже имел личный автомобиль, а в его постепенно теряющую убогость хижину провели электричество, и с тех пор сверхредкое сокровище того века (да и нашего вообще-то тоже) – лампочка – освещало вечерний покой Божьего Слуги сказочно-неземным светом.

Независимые историки и аналитики, к чьим мыслям мне, едва начавшему сбивать со щек юношеский пушок кадету, довелось прикоснуться, утверждали примерно следующее: да, именно выход в высшее общество подвинул Витторио на дальнейшие действия. Природные чутье и приспособляемость к окружающей обстановке тоже немало помогли ему в разработке плана захвата власти. Пророку претила сама мысль о том, чтобы остановиться на достигнутом, когда у него имелись все шансы отхватить не кусок сладкого пирога, а при-

братъ тот до последней крошки. И помощниками ему в этом стали те самые Братья по Вере, что обитали по правому берегу древнего, как само мироздание, Тибра.

Однажды утром, постучавшись в ворота ватиканской обители, Витторио скрылся за ними и словно в воду канул, исчезнув из жизни города и его будней. Несколько дней о нем ходили слухи один невероятнее другого. Поговаривали уже о досрочном вознесении пророка на небо, но прилюдно клявшиеся свидетели сего действия были разом опозорены, когда Витторио, целый и невредимый, вышел на порог монастыря в сопровождении загадочно улыбающихся новых своих сподвижников. Осталось за семью печатями то, о чем так долго шла речь в стенах сей юдоли скорби, но несомненно – братия, усмотрев в предложении о сотрудничестве с пророком для себя хорошую выгоду, заверила его в полной поддержке.

Стоял погожий денек, когда народ, топчущий ярмарочную площадь, расступился, оставив посреди освобожденного пространства своего Пророка и двенадцать окруживших его ватиканских монахов.

«Возлюбленные чада мои! – заблажил Витторио, чья голова по самые глаза, несмотря на жаркую солнечную погоду, была укрыта капюшоном монашеского балахона. – Свершилось великое чудо, и мне милостию Отца нашего дана обязанность донести до вас благовест! Не далее, как на той неделе посетил я обитель смиренных Слуг Божиих, где имел с ними беседу о спасении душ ваших. И когда преклонили мы колени в совместной молитве, как снизошел на нас столп света и глас Господень возвестил: «Раскройте же глаза, о слепцы! Как можно не видеть того, что творится у вас под носом! Куда бредете вы, уткнувшись взглядом себе под ноги? И это благодарность мне за то, что я пощадил обитель сию в день Страшного Суда? Разве ради этого отвел я от нее десницею своею потоки огненные, с небес льющиеся?» – «О, Отец, – возопили мы, – прости нам невежество наше! Прости и не сочти за труд просветить заново верных слугителей и провинившихся детей своих!» – «Ну хорошо, – ответил Создатель, – прощены вы, ибо милостив я, а посему слушайте и внимайте. Дабы вновь не скатился мир сей в пропасть, и не пришлось мне опять карать его жестоко, основываю я здесь, среди греха и порока, форпост свой, крепкостенную цитадель, обязанную служить ориентиром всем заблудшим, а вместе с тем являться грозным предупреждением для тех, кто отвернулся от ока моего – я вечен и я спрошу с них за все! Имя сей цитадели – Ватикан, а не Рим, страшными пороками себя унизивший! И быть отныне ей Центром Мира, его великою главою и первым городом Земли! Тебя, верный мой слуга Витторио, нарекаю я правителем этого города, и даю тебе право быть истинным Пророком моим, доносящим Глас мой и повеления мои до всех живущих здесь. А единоверцев твоих, что стоят одесную тебя, в благодарность за то, что сохранили они Святой Крест вопреки всем чинимым Сатаною препонам, нарекаю Апостолами твоими, и число их двенадцать будет! И говорю я – да случится так! Аминь!» А после наложил персты огненные на чело и мне, и братьям моим и... о узрите, сыны и дочери!»

Как по команде, Витторио и его спутники, до этого лишь молча кивавшие, сорвали с голов капюшоны балахонов. У всех них прямо посередине лба краснели свежевыжженные клейма в виде крестов, доходящих нижними концами до переносицы.

Ропот прошел по толпе – все были потрясены! Люди оглядывались друг на друга в явном смятении. Наконец благоговейный ужас пересилил-таки сомнения и, начиная с первых рядов, узревшие чудо граждане стали падать на колени, покорно склоняясь перед Пророком. Всеобщему порыву повиновались даже те, кто продолжал сомневаться – никому не хотелось стать «белой вороной» пред таким огромным количеством народа. А Витторио все вгонял и вгонял острые гвозди божественного волеизъявления в торчащие затылки своей паствы:

«Кому вы подчиняетесь сейчас? Кто правит вами? Погрязшие в разврате стяжатели-чревоугодники! Я знаю это доподлинно, ибо пытаюсь отыскать для вас правду на земле,

неосмотрительно забрел в их чертоги! И ужаснулся тому, что увидел там! Отвечаю совершенно открыто – Господь намерен покарать их, и поскольку он отныне всецело доверяет нам с вами, то и судить сих богоненавистников доверено тоже нам! Мой приговор – виновны! И от лица Всевышнего приказываю вам, жителям Великой Цитадели и Центра Мира, привести приговор в исполнение! Только смертью эти нелюди способны искупить свою вину!»

Витторио очень рисковал, призывая народ к бунту, – подручные дона Джакомо были повсюду, – но сработал фактор внезапности: глава правящего клана ни сном ни духом не подозревал о том, что так любезно опекаемый им выходец из народа совершит подобный поступок, а посему оказался не готов к стихийному взрыву массового неповиновения.

Надо заметить, что недовольство своим правлением дон Джакомо вызывал уже давно. Пользуясь неограниченными правами нахождения у горнила власти, он, что называется, зарвался: повышал, когда вздумается, налоги, творил бесчинства в деле судопроизводства и открыто преследовал неугодных. Ему, бесспорно, следовало бы быть очень осмотрительным при подобной политике, однако он уповал на страх и неорганизованность своих подданных вкупе с их нежеланием массового кровопролития. И как выяснилось, ошибался...

Теперь народ шел за другим лидером, помеченным знаком не кого-нибудь, а самого Господа Бога, а пламенный призыв его и послужил тем последним брошенным кирпичом, оборвавшим стропы поддона и заставившим лебедочные тросы хлестнуть по тащившему этот груз крановщику.

Расправа над членами правящего клана была скорой и лютой – их всех, зашитых в дерюжные мешки, поглотили равнодушные к проявлениям человеческих страстей глубокие воды Тибра. Крики утопающих еще не смолкли, а Пророк с Апостолами уже въезжал в принадлежащие дону Джакомо просторные апартаменты, вся роскошная обстановка которых, правда, была благоразумно роздана малоимущим, что все же не помешало ей вновь возродиться в этих стенах через непродолжительное время.

Видя, на что способна разбушевавшаяся толпа, и понимая, насколько короток шаг от ее безграничной любви до такой же безграничной ненависти, Витторио счел разумным не слишком доверять своим добровольным телохранителям из народа и на всякий случай подстраховался.

Маркус Крюгер – это имя в те годы было известно в раздробленной Европе так же, как имена вождей наиболее влиятельных кланов, вот только сам он не принадлежал ни к одному из них. Главарь крупнейшего на юго-западе бандитского формирования, Крюгер за три-четыре года успел покрыть себя неувядаемой славой разорителя малых и средних городов. Однако на момент прихода Пророка Витторио к власти, звезда Маркуса почти закатилась – хоть оружия у него и было предостаточно, грабеж перестал приносить стабильный доход.

Тут-то и прибыл к нему эмиссар с Апеннинского полуострова...

Переговоры прошли успешно. Крюгер на следующий же день повел своих людей к стенам Божественной Цитадели. Эмиссар, являвшийся одним из бывших ватиканских монахов, а ныне входивший в круг Апостолов, следовал вместе с ним, ведя с главарем банды в дороге длинные душевспасительные беседы.

Через три дня по большей части конное воинство Крюгера достигло Ватикана. Жители города впали в панику и на скорую руку попытались собрать ополчение. Но каково же было их изумление, когда бандиты не только никого не убили, а оставили в полной неприкосновенности запасы продовольствия пригородных поселений, не разорив ни одного, самого захудалого курятника.

Дальнейшие события выгнали на городские стены всех ватиканцев вплоть до немощных калек, потому что история знавала лишь единичные случаи подобного. Распахнулись городские ворота, и к стоявшим при полном вооружении головорезам вышел окруженный

Апостолами Пророк, причем вышли они с таким видом, будто пришельцы являлись не губителями городов, а обычной мирной делегацией. И вновь свершилось чудо: люди Крюгера вместе с самим Маркусом, подобно жителям бывшего Рима на ярмарочной площади, рухнули на колени, прося у Пророка прощения и впредь обязуясь ничем непотребным не заниматься. Некоторые историки упоминают о странных листках бумаги, зажатых у Крюгера в руке, утверждая, что это были страницы Святого Писания, хотя самые недоверчивые из скептиков предполагают, что Маркус во избежание непредвиденных накладок просто сверялся с текстом покаяния, написанного ему монахом-посланником. Я склонен верить последним, так как доводом в пользу их точки зрения может служить то, что ни до, ни после сей великолепной церемонии чего-либо более грамотного и лингвистически безупречного Маркус Крюгер не произнес.

Возложив длань поверх не очень широкого лба кающегося, Витторио милостиво отпустил ему за раз все прегрешения, изрекая при этом древнюю истину о том, что раскаявшийся грешник для Господа ценнее нескольких праведников. А потом прямо там же принял шайку в полном составе на службу по охране себя и своих соратников, дав им гордое и звучное имя – Защитники Веры. Таким образом силовая поддержка пророческого правления была обеспечена.

Еще через некоторое время на площади св. Петра был воздвигнут гигантский крест из остатков стальных конструкций прошлого, призванный символизировать великое значение произошедших событий для последующих поколений. При возведении этого символа Единственно Правильной Веры погибло тридцать пять монтажников, когда ни с того ни с сего левая поперечная перекладина отвалилась от вертикальной стойки и рухнула вниз с чудовищной высоты. Так что на современном подобии древнего оригинала кровь оказалась тоже что ни на есть самая настоящая, причем и количество ее было строго выдержано в пропорциях к размеру ватиканского колосса.

С годами Стальной Крест менялся лишь в сторону увеличения, постепенно достигнув высоты в двести, а размаха в добрых сотню метров. Ясная погода позволяла наблюдать его даже из самой дальней точки пригородной провинции, а отбрасываемая им тень закрывала собой весь центр святого города...

Таким было начало существования нашего государства, положенное всеобщей любовью и безграничным доверием народа к Пророку Витторио, его речам и яркому каноническому образу. Подлинная сущность пророка подтверждалась носителями фундаментальных традиций Веры – монахами ватиканской обители, – а власть, обретенная им по праву более расчетливого и уважаемого, подкреплялась штыками прощенного грешника Маркуса Крюгера, теперь главнокомандующего формируемых повсеместно в округе отборных отрядов Защитников Веры.

Век Хаоса – век тотального безвластия и кровавых междоусобиц – сменяла новая эпоха, в которой вечные надежды человечества на божественную справедливость и долгожданный порядок наконец должны были исполниться.

Так зарождался современный мир.

Так наступала Эпоха Стального Креста...

3

*«– Добрый вечер, Данс, – сказал доктор и кивнул головой. –
Добрый вечер, друг Джим. Какой попутный ветер занес вас сюда?»
Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»*

Анже встретил нас на рассвете закрытыми городскими воротами. Оглушительная сирена головного «самсона» привела в чувство спящего привратника, и он, минуту поразглядывав через смотровое окошко нашу кавалькаду мутными с похмелья глазами, наконец просек, кто предстал перед ним в столь ранний час. Извиняясь и кланяясь, страж поспешно распахнул деревянные створки.

И без того редкие в это время суток горожане старались побыстрее убраться с улицы, лишь завидя черную автоколонну Корпуса.

Я и брат Михаил следовали сразу за первой машиной – монстромобилем-внедорожником «самсон» с чудовищными, в рост человека, колесами – на моем командирском «хантере», массивном и приземистом. Следом за нами двигалась пара седельных тягачей, ведомых уже упоминавшимися братьями не только по службе, но и по крови, Ярво и Самми. Трейлер одного из них раскачивал сейчас в гамаке спящего без задних ног магистра Виссарiona. Хитрая старая bestия предпочитал гамак нарам, умудряясь высыпаться даже при движении. Джером наверняка бодрствовал – для таких крупных представителей дьяконовского сословия гамаки еще не изобрели. Во втором трейлере тряслись невыспавшиеся и угрюмые бойцы моего Одиннадцатого отряда. Тыловое охранение велось на другом «самсоне».

Команды этих джипов-мутантов состояли из трех человек: двое в кабине и один за турелью автоматической двадцатимиллиметровой пушки, с вращающимся блоком из шести стволов, полностью занимавшей кузов автомобиля. Именовалось орудие соответственно своей скорострельности – «вулкан», – но охотничий народ окрестил смертоносный агрегат довольно-таки поэтично: Шестиствольный Свинцоплюй. Пушки обладали большой плотностью огня и бесспорно являлись самыми вескими аргументами в защиту Одиннадцатого во всех критических боевых ситуациях. Кто знает, будь нечто подобное у миссионера брата Александра, униженного русскими под Воронежем, чем бы тогда обернулось дело с той стальной птицей...

Дорога от Анже до Нанта оказалась не в лучшем состоянии. Михаил поминутно перебрасывал ногу с газа на тормоз и упрекал то Бога, то Дьявола в некачественном ведении ремонтно-восстановительных работ:

– Как над Иовом изгаляться, так махом спелись, а как что путное совершить...

Я, управлявший машиной всю ночь от Орлеана – города, породившего много веков назад одну из величайших жертв Инквизиции, – через Тур до Анже, теперь пытался задремать. Но каждая новая выбоина сводила на нет мою очередную попытку, в конце концов вынудив оставить эту затею.

– Скажи мне, швед, – Михаил, увидев, что я открыл глаза, завел свою обычную дорожную песню, – зачем твои предки-викинги обклеивали боевые шлемы рогами? Или, может быть, они просверливали шлемы и надевали на свои собственные рога? Сам понимаешь – люди войны, как лето, так прыг на драккар и в поход, а бабы-то ваши уж больно раскрепощенные, молодые, горячие, эх... Знал я, кстати, одну твоей, нордической породы...

Воспоминания о прошлых, настоящих и вероятных будущих своих знакомых сестрах ордена Улады Духа была любимейшей из тем дорожного трепа брата Михаила. Когда-то давным-давно Пророку Вениамину, четвертому по счету, попалась на глаза книга о существовавшем до Каменного Дождя островном государстве Япония. Прочтя ее из чистого инте-

реса, он выделил главу об имевшемся в той стране особом женском сословии, именуемом «гейши». Гейши эти занимались обслуживанием досуга тамошних сёгунов и самураев. Кто такие были непонятные сёгуны и самураи, Пророк уточнять не стал, а вот весьма специфическое и в некотором роде даже почетное ремесло гейш побудило его на создание ордена Улады Духа. С тех пор хорошенькие и крепкотелые крестьянские девушки имели высокие шансы прорваться во влиятельные круги общества, в прямом смысле грудью проложив себе туда дорогу.

Сестры занимали просторное здание на окраине Ватикана, где им преподавали грамоту, культуру речи, музыку, хорошие манеры и как основной предмет – некие узкоспециализированные трактаты полумифической страны Индия, через века сохраненные кем-то в качестве не иначе как фамильных реликвий. К сестрам можно было приезжать самому (главное, чтобы в кармане имелись средства для щедрого пожертвования ордену), могли приехать по приглашению и они – орден содержал парк автомобилей почти такой же, как у почтовой службы. Само собой, хорошая идея получила развитие – филиалы ордена Сестер Улады Духа появились во всех крупных городах Святой Европы.

Братство Охотников владело особой привилегией – наш страждущий после длительных рейдов дух услаждался бесплатно. То есть не совсем, конечно, бесплатно – за все платил Главный магистрат. Оценив высочайший профессионализм сестер, я, однако, был поражен незнанием многими из них даже азов Святого Писания, что при нахождении на государственной службе являлось, скажем так, дикостью. А впрочем, для практикования индийских истин горизонтально-подвижного поведения оно требовалось лишь постольку-поскольку...

Михаил продолжал говорить. Я слушал его вполуха, обозревая сонными глазами пробегающие по левую руку от нас низкие лесистые берега реки Луары.

– ...Ты его должен помнить: из Девятого отряда болгарин Григорий Цончев? Так вот, снюхался он с одной сестричкой, Аманда звать. Специалистка хоть куда, высший класс! Уж не знаю, за что ее поперли, но работала она раньше в апостольской группе услаждения. И если, говорит, их завести, Апостолов-то наших, такие болтливые становятся, просто жуть! Вот один из них ей и проболтался, как там на самом-то деле все было...

– Где было? – Мой невыспавшийся мозг соображал туго и со скрипом.

– Ты чем слушал вообще? – обиделся Михаил. – Я имею в виду Проклятого Иуду и тот Совет, когда он сбрендил!

– Ну, об этом все знают, – я помассировал кулаками закрытые глаза после очередного приступа зевоты. – Он хулил Господа, Пророка, дебоширил... Говорят, в него тогда Дьявол вселился...

– Не все так, товарищ Хенриксон, элементарно. Аманда утверждает, что несколько Иуда не рехнулся. Возвратился он из инспекционной поездки мрачнее тучи, ходит сам не свой, все думает о чем-то, ни с кем не общается. А тут как раз бац – очередной Совет! Вызывает его Пророк с докладом, а Иуда вместо того, чтобы как обычно зад ему лизать – дескать, как у нас все хорошо, как люди довольны и счастливы и спасибо вам за ваше мудрое руководство, – говорит: «Устал я, братцы. Не могу больше терпеть это ваше грехопадение и прочее безобразие. Отпустите меня в мою родную епархию, хочу жить там со своей семьей, учить крестьян в воскресной школе...» И тому подобное...

Именем «Проклятый Иуда» одарил его Пророк. У всех святоевропейцев еще на слуху брызжащая слюной и проклятиями обвинительная речь Гласа Господнего у подножия Креста: «Братия, сыновья и дочери мои! Прогневали мы Господа своего, прогневали жестоко, ибо в наказание взрастил он в наших рядах траву сорную – изменника подлого, богохульника и еретика! Проклинаю! Именем Господа проклинаю этого иуду, предавшего нашу Веру за тридцать сребреников самому Сатане! Покаемся! Покаемся все как один, ибо сопротивление покаянию бедами великими грозит!...»

Апостол Жан-Пьер де Люка, он же Проклятый Иуда, в бытность свою на государственной службе отвечал за начальное образование и духовное просвещение крестьян, ремесленников и искателей. Курируя воскресные школы, где наименее выдающиеся выпускники Академий обучали детей, а также желающих научиться читать и писать взрослых, он исколесил всю Святую Европу вдоль и поперек. Но что-то надломилось в этом человеке, заставив его пойти на разрыв со своими коллегами-Апостолами и с самим Пророком.

– ...Вот, говорит, все мои бумаги, я привел их в порядок, кинул на стол перед Пророком папку и вышел вон. Эти ребята настолько опешили, что так и просидели с открытыми ртами черт знает сколько, даже охрану не вызвали. Зато Пророка потом как заколошматит! Орал, ногами топал, вазу хрустальную о лысину Апостола Защитников Веры расколотил!.. Или ты, Эрик, всерьез поверил, что это Иуда ему череп пробил? Да Проклятый такой хлипкий парень, что и вазу бы ту от пола не оторвал!

Я пожал плечами: дескать, кто его знает. Собака лает – ветер носит... .

– А когда через час послали-таки к нему на дом наряд Защитников, – продолжал Михаил, – его уже и след простыл. Сбежал с женой, детьми и несколькими верными слугами. Говорят, потом в тех местах, где он притормаживал, вокруг него стали сподвижники всякие кучковаться, сочувствующие... Да, сглупил дядя. Небось и сам уже пожалел, но... петелька затянута. Так что хрен теперь ему дадут спокойно умереть в родной епархии...

– Не понимаю таких людей. – Я, конечно, пытался разложить по полочкам экстраординарное поведение Жан-Пьера, но мне это плохо удавалось. – Сидишь на вершине жизни, все имеешь... Подумаешь, что-то не так, как ты себе представляешь, ну и что с того? Всегда такое было и будет – хочешь одного, а получаешь совсем другое. Пророка взбесил, а тот естественно сразу: изменник, предатель, еретик!.. Шестерни Магистрата завращались – назад дороги нет, хоть кайся, хоть не кайся. О детях бы подумал...

– Просто все в жизни когда-либо становятся перед выбором, викинг. – Михаил вдруг стал серьезным. – Он, к примеру, выбрал эту судьбу. Возможно, ошибся, но выбрал... А вот ты выбирал когда-нибудь?

– Всю жизнь только и делаю, что выбираю, – нехотя ответил я – философствование спросонок обычно мне претило.

– Я не про то, – Михаил покачал головой. – Я имею в виду самый главный выбор, от которого зависело бы твое будущее: или все или ничего?

– Наверное, нет...

– И я тоже нет. А знаешь, чего я больше всего боюсь? Ошибиться. Ладно бы я, но, если кто-то невинный страдает от моей ошибки, тогда совсем плохо... Клянусь моими обожженными усами, Эрик, знай я сразу о том, как в жизни иногда бывает сложно, матушка задолбалась бы упрашивать меня вылезти из утробы!..

Ни я, ни Михаил тогда и не подозревали, насколько близок от нас момент выбора...

К обеду прибыли в Нант – мелкий рыбацкий городишко, лежавший в самом устье Луары. За стеклом замелькали узкие улочки, пропахшие тухлой рыбой, и те же, что и везде, взгляды исподлобья, в которых – ни толики почтения. Впрочем, оно и понятно...

Хозяин этого рыбного рая – епископ Гийом, – скинь он свою епископскую рясу, ничем бы не отличался от старшины рыболовецкой артели. Магистр Виссарион отобедал у него, налегая в основном не на пищу, а на кагор, и дал добро на последующий путь. Пока он харчевался, перекусили и мы.

Далее маршрут наш резко поменял направление – Ренн лежал в сотне километров к северу. Его соединяла с Нантом менее широкая, но выигрывающая в качестве грунтовая дорога. Осенние ливни еще не нанесли ей ежегодного урона, а потому скорость нами была набрана приличная. Я задремал...

Сила инерции бросила меня на панель перед командирским сиденьем. Больно стукнувшись локтями о металл, я продрал глаза и вопросительно уставился на Михаила.

– Расслабься, – успокаивающе проговорил тот. – Брат Тадеуш чуть не пропорол себе чем-то покрышки. Пойдем-ка глянем...

Я вытащил «глок» из наплечной кобуры и дослал патрон в патронник. Михаил же достал с заднего сиденья своего, как он уважительно его именовал, «земляка» – автоматическую штурмовую винтовку «Калашников» или попросту «АКМ». Оружие это было настолько древним, что, если бы кто-нибудь сказал мне, будто оно ходило еще с Ноем на его баркасе-зоопарке, я ничуть не сомневался бы. Попала сия реликвия к Михаилу от его знакомого дьякона-оружейника в те времена, когда он командовал Варшавским отрядом. «Калашников» поначалу подлежал списанию в связи с многочисленными поломками, однако по убедительной просьбе русского, оскорбленного таким отношением к потрепанному времени «земляку» (которую он подкрепил солидной попойкой), дьякон отремонтировал автомат, попутно переточив его под более распространенный в Святой Европе удлинненный патрон того же калибра. Ушло на это у бедного оружейника немало сил и нервов, но зато «АКМ», можно сказать, получил вторую жизнь. А я, иногда желая в шутку поддеть своего заместителя, отпускал в адрес этого стрелкового пережитка язвительные комментарии, на что Михаил всегда наигранно обижался и брал реванш в чем-то другом...

Братия спешно исполнила команду «к машине» и теперь оцетинилась стволами по разные стороны грунтовки.

Мы приблизились к головному «самсону». Брат Тадеуш, маленький упитанный венгр, сидел на корточках и разглядывал лежащие посреди дороги зубьями вверх крестьянские бороны. Массивные колеса монстромобиля едва не напоролась на них, замерев от копьеобразных наконечников в считанных сантиметрах.

– Чертовы байкеры! – Тадеуш в сердцах сплюнул. – Может, Корпусу уже пора заняться ими? От Защитников никакого проку! Идиотам небось весело, а мне за эту покрышку год рассчитываться...

Инквизиционный корпус не интересовался байкерами по причине их мелкоуголовного статуса, как не интересовался он, скажем, контрабандистами, воришками и перебежчиками. Служители древнего культа Свободы, как они о себе говорили, байкеры колесили по дорогам Святой Европы на отреставрированных мотоциклах древности, которые собирали из запчастей, выменянных у привыкших уважительно относиться к каждой найденной мелочи искателей. Защитники Веры понемногу гоняли мотобандитов, правда, успехов в их ликвидации не достигли. Неуловимость байкеров объяснялась двумя факторами: высокой мобильностью и умением перемещаться по таким территориям, по которым ни один нормальный человек и днем с огнем не рискнет путешествовать – пустоши, дремучие леса, болота и пустыни. Обвинялись байкеры обычно в налетах на заправочные пункты, грабежах грузовиков торговцев, потасовках с представителями властей да контрабанде на святоевропейско-российской границе. Но чем выгодно отличалась эта публика от рядовых преступников, так это тем, что несмотря на грозный вид, в целом старалась избегать греха смертоубийства, повинаясь неписаным правилам выживания по ту сторону закона, что диктовал их собственный кодекс чести.

– Крупных торговцев на технике ждали, – присоединился к венгру спрыгнувший с подножки монстромобиля брат Саймон. Третий член дозора – Энрико – вращал турелью пушки из стороны в сторону, грозя невидимым врагам стволами словно пальцем. – Заберут товар, сольют горючку, отметелят ради остратки... Пощупать Свинцоплюем кустики?

Хлебом не корми – дай побаловаться любимой игрушкой!

Мой ответ здорово опечалил предвкушающих веселье братьев:

– Не надо. Байкер не такой дурак, чтобы злить Охотника. Скорее всего их уже нет в радиусе километра отсюда... Трогаемся!

Тадеуш и Саймон сдвинули шипастое орудие байкерской тактики на обочину, еще раз оглядели направления, потом заняли свои сиденья и рванули вперед. Мы последовали за ними.

Оставшиеся до Ренна пятьдесят с лишним километров проехали спокойно.

Наш отряд прибыл на точку сбора первым. Загнав технику во двор реннского епископата, мы выстроили ее вдоль высокой каменной стены, где еще было достаточно места для транспорта Бернарда и Карлоса.

Реннский епископ Жан-Батист вразвалочку вышел навстречу магистру Виссариону, взялся двумя руками за его крысиную лапку и припал губами к кольцу с красным рубином – знаку Божественного Судьи-Экзекутора Ордена Инквизиции. Виссарион лишь сдержанно кивнул.

Я успел заметить завистливый взгляд дьякона Джерома – авторитетно выпирающий живот реннского владыки побивал все рекорды объема человеческой талии, виденные мной до сего дня.

– Ставлю на спор своего «земляка», – прошептал стоявший сбоку от меня Михаил, – если епископ вдруг захочет поцеловать нашего Джерома, он сделает это только в затылок да и то с напрягом.

– Нашел на что спорить, – вяло огрызнулся я, так как больше всего на свете желал сейчас завалиться спать. – И вообще, у тебя разве нет работы?

Михаил пробурчал что-то себе под нос и поплелся искать местного управляющего, чтобы решить вопрос о питании, а также, если повезет, об устройстве бани для Одиннадцатого.

– Брат Эрик, подойдите, пожалуйста, – сквозь шум в голове услышал я голос Виссариона.

Я поправил берет и приблизился. Две пухленькие мягкие ручонки затрясли мою ладонь, при этом закрывающие уши щеки Жан-Батиста подпрыгивали в такт его движениям.

– Огромная честь, весьма огромная, брат Эрик, пожать руку человеку, поймавшему самого Люцифера. Моя дочь тоже лелеет надежду с вами познакомиться, – Жан-Батист указал на балкон, где находилось юное создание лет восемнадцати, по своей комплекции, мягко говоря, далекое от классических канонов девичьей стройности. Улыбаясь во все лицо, оно радостно махало рукой и, надо думать, адресовало это мне, а не магистру Виссариону.

От меня не ускользнуло то, что Джером за спиной Его Чести вдруг ни с того ни с сего заметно оживился.

– Он был такой же Люцифер, как я баварский пивовар, – отвечая на комплимент епископа, я позволил себе немного поскромничать. – С этой работой справились бы и кадеты Боевой Семинарии.

– Вы преуменьшаете свои заслуги перед Верой и Святой Европой, брат Эрик. Что ж, надеюсь, вам у нас понравится. – И епископ повел магистра ужинать в роскошную трапезную епископата.

Я придержал за рукав зашагавшего было причащаться кагором втихомолку от хозяина дьякона:

– Мой крупногабаритный друг, поручаю вашему вниманию сие прелестное творение Господа, – я кисло улыбнулся и помахал в ответ дочери епископа – творение уже отважилось на воздушные поцелуи. – Вижу, что вы равнодушны к этой ангельского вида особе, а потому можете отныне именовать себя правой рукой и верным боевым ординарцем командира Одиннадцатого отряда Эрика Хенриксона. – Услышь это Михаил, он бы меня убил! –

Разрешаю вам не скупиться на комплименты, читать ей наизусть Песнь Песней Соломона, но она не должна ко мне приближаться.

– О, вы правы, брат Эрик, – она и впрямь милашка! – Джером плотоядно облизнулся и пригладил рукой свои редкие волосы. – А что же вы сами-то?

– Хочу остаться непорочным в преддверии великих деяний, – с наигранным пафосом вздохнул я. Перспектива близкого знакомства с так некстати отыскавшейся здесь, на периферии, моей поклонницей меня не прельщала.

– Это вы зря, брат Эрик, честное слово, зря!.. – Джером весь сиял, находясь похотливым взглядом уже на пути к балкону. Тело его некоторое время попереминалось с ноги на ногу, а затем потрусило в том же направлении, проявляя обычно не свойственную дьякону резвость.

Я облегченно вздохнул, сбросив с плеч эту маленькую проблему, и отправился искать столовую для слуг, где Михаил с остальными братьями должны были вот-вот собраться на вечернюю трапезу.

Лечь спать сразу после перешедшего в горячую баню ужина не получилось. За воротами епископата вдруг пронзительно завывали сирены «самсонов», и крики усталых братьев Пятого отряда, требующих доступа к спокойной обстановке и горячей пище, возвестили о прибытии в Ренн Матадора, более известного как Карлос Гонсалес – фигуры в Братстве Охотников, уступающей по значимости лишь брату Бернарду...

4

«– Не знаю, сэр, – ответил я. – Я не совсем уверен, что голова у него в порядке.

– Значит, не в порядке, – сказал доктор. – Если человек три года грыз ногти на необитаемом острове, Джим, голова у него не может быть в таком же порядке, как у тебя или у меня. Так уж устроены люди...»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Годом с небольшим ранее

– Слушай сюда, мразь охотничья, слушай внимательно! – Длинный кривой нож дрожал вместе с рукой люцифериста. На шее восьмилетней девочки выступило несколько капель крови. Она не могла даже плакать, а только тяжело сипела и влажными голубыми глазенками смотрела на меня. – Я выхожу, ясно? Ясно вам?! Оружие на землю! Резче! Сами в сторону!..

Я, стараясь сохранять спокойствие, слегка подмигнул до смерти напуганному ребенку – мол, не переживай, скоро все будет в полном порядке, – а потом скомандовал стоявшему позади Михаилу:

– Выполняй!

«АКМ» русского брякнул о дощатый пол. Мой «глок», стукнув меня по ботинку, тоже очутился там.

– Ладно, проваливай, – проговорил я. – Тебя не тронут. Только покажи, в какую сторону нам отойти, чтобы не мешать тебе выходить...

Я согнул руки и держал их перед собой ладонями к выродку. Для него это означало, что оружия у меня нет. Для меня – нечто совсем иное.

Правая наплечная кобура под моим плащом прятала сейчас брата-близнеца лежавшего рядом с ботинком пистолета. Левая рука у меня была расслаблена, взгляд сосредоточен на лице подручного Люцифера. А точнее, между его горящих безумием глаз. Я смотрел не отрываясь. Не моргая. Абсолютная раскованность и концентрация. Михаил, догадавшись о моих намерениях, даже затаил дыхание.

– Туда! – Ублюдох небрежно кивает подбородком на противоположную от двери стену.

– Извини, приятель, не понял. Покажи поточнее... – говорю я, а моя левая ладонь в это время миллиметр за миллиметром смещается вправо.

– Ты кретин?! Да вы все кретины! – Рука с ножом уходит от шеи ребенка и показывает нам наше место. – Туда, ты понял?..

Понял, само собой. Легкое движение – «глок» выскакивает как по маслу. Третью секунды на наводку – выстрел...

Девятимиллиметровая пуля бьет люцифериста в лоб и вылетает из затылка, окруженная красным ореолом осколков кости и брызг мозга. Он еще мгновение пялится на меня, затем роняет нож и валится назад, по пути отпуская шею заложницы.

– Ну испаноскандинав, ну сукин сын! – выходит из оцепенения Михаил. – Прямо засранцу по центру тыквы! Эх, надо было и мне в Семинарии тоже пару раз к твоему Анджею заглянуть. Может быть, он и мои бы руки попереломал да как надо вправил...

Неожиданно получившая свободу девочка обхватывает себя за плечики и начинает мелко-мелко дрожать. Ее наконец прорывает, и громкий плач разносится по тесному помещению, тут же подхваченный за стеной другими детскими рыданиями.

– И чего это мы ревим, а? – Михаил подошел к девочке и бережно взял ее на руки. – Ну ладно, ладно, перестань. Дядя Миша хороший, дядя Миша тебя не обидит...

– Как она? – поинтересовался я, возвращая пистолеты в кобуры.

– Нормально. – Михаил плавно покачивает маленькую жертву взрослого дебилизма. Та, обняв его за шею, продолжает плакать, но уже гораздо тише, все чаще шмыгая курносый носиком. – Пара царапин, и все. Заживут, так ведь, ангелок? Кстати, где твои друзья? Там?

Михаил указывает на стену. Девочка молча кивает.

– А сколько еще плохих дядей, кроме этого, вас здесь пугает? – вновь спрашивает русский. Чадо перестает плакать, задумывается и тихо произносит:

– Двое...

– Умница! – Мой замком улыбается. – Значит, мы уже отшлепали их всех. Ну что ж, пойдем к твоим друзьям, а потом поедем к маме...

– Считаешь, что эта мразь хотела сделать с ней именно то, о чем мы подумали? – Я в последний раз оглядываюсь на тело и подбираю Михаила «земляка» с пола – руки русского заняты сейчас более ценной ношей.

– Глупый вопрос, Эрик, – Михаил уже несет девочку к двери. – Надо думать, он тащил ее сюда не сказки рассказывать.

А снаружи в это время приближается топот тяжелых подкованных ботинок: братья, услышав выстрел, несутся к нам со всех ног...

По негласным традициям Братства Охотников все командиры отрядов имеют свои прозвища: Мясник, Матадор, Голиаф, Кувалда, Змей, Ящерица и другие. В глаза нас, конечно, так никто не называет – правила элементарного уважения здесь незыблемы, – но все мы прекрасно знаем, кто из нас кто. Знаю и я свое – Стрелок.

Отбросив ложную скромность, скажу: да, я действительно считаю себя экспертом в вопросах стрелкового дела. Вот только от кого у меня этот дар – от Бога или от Дьявола, – затрудняюсь ответить. Стреляю я довольно неплохо из всех видов легкого огнестрельного оружия, но в чем настоящий специалист, так это в автоматических пистолетах, хотя в принципе револьверами тоже не брезгую.

Будучи ребенком, я, бывало, поражал сверстников тем, как быстро получалось у меня овладевать различными жонглерскими манипуляциями. В моих руках могли одновременно вращаться три, четыре и более камешков, яблок, бутылок, ложек и всего того, что так или иначе подходило по форме для жонглирования. Мать улыбалась и ласково трепала любимое дитя по волосам, а отец переживал, как бы его отпрыск не слинял из дому с каким-нибудь бродячим цирком. «Боевая Семинария отведит тебя от этих глупостей!» – назидательно вещал он, глядя на мелькавшие перед его носом овощи, приготовленные матерью к обеденной похлебке.

Отец оказался прав лишь наполовину.

Когда наш инструктор по стрельбе брат Анджей понял, что посрамление его прыщавым отроком – не случайный факт, а вполне стабильная закономерность, он не разозлился. Напротив, прославленный ветеран Братства вознамерился довести дар своего юного обидчика до истинного совершенства. По соседству с нашим семинарским тиром находилось стрельбище для бойцов Корпуса, где мой наставник успевал подрабатывать сторожем и оружейником. Там-то он и начал во время своих вечерних дежурств на нерасстрелянных при дневных стрельбах, но уже списанных патронах лепить из меня лишь одному ему известное произведение огневого ремесла.

Первым делом вместо маленького кадетского «вальтера» брат Анджей сунул мне в ладонь огромную «беретту». «А, черт с тобой, учиться так учиться, – махнул он рукой и извлек со стеллажа еще одну, точно такую же. – Нечего забывать про вторую руку. Пусть тоже работает...»

Поначалу обучение шло туговато, но вскоре надлежащая виртуозность пришла ко мне при выполнении всех задаваемых Анджеем упражнений. А уж опытом-то он обладал пребогатым.

Тренировки сменяли друг друга. Я стрелял стоя, с колена, лежа, на бегу, в падении, с разворота, в темноте на звук, из-за и через препятствие. Стрелял как поочередно правой и левой, так и одновременно с двух рук. Я выхватывал пистолет на скорость, поражал две и более мишени, учился мгновенно уходить с линии огня и достигать должной точности в уничтожении скрытых на восемьдесят-девяносто процентов целей. Я пробовал даже попадать в мишень с рикошета от твердой поверхности, но полностью этот прием так и не освоил.

По ходу учебного процесса брат Анджеем начал применять некоторую садистскую методику, привязывая на кисти моих рук плоские двух-трехкилограммовые камни. Когда же они снимались, килограммовая «беретта» казалась мне легче коробка спичек.

Иногда Анджею навещали его старые боевые товарищи, многие из которых еще находились на действительной службе в Корпусе. Наблюдая усердие молодого кадета, братья одобрительно кивали, что воспринималось мной как высшая форма похвалы. Они-то и рассказали обо мне Ящерице...

Фабио Петрелли долго беседовал с Анджеем, сидя в углу и шурясь на меня хитрыми зелеными глазами. Я же перед лицом столь высокого гостя выкладывался вовсю.

Подождав окончания канонады, Петрелли приблизился, похлопал меня по плечу (еще бы – результаты стрельбы были весьма неплохими даже для взрослого опытного бойца!) и без тени улыбки заявил:

«Сынок, когда через год ты окончишь Семинарию, не дай тебе Бог ляпнуть при распределении, что ты желаешь служить не у Фабио Петрелли. Тогда я лично найду и пристрелю тебя! Усек?»

Напоследок Ящерица немигающим взглядом просверлил мое польщенное лицо и степенно удалился, а я стоял, улыбаясь, как идиот. Голова кадета предпоследнего курса начинала кружиться от лежащих перед ним перспектив служебной карьеры.

Петрелли обо мне не забыл. Я сделал так, как он сказал, тем самым пополнив ряды Восьмого отряда молодым, но довольно амбициозным бойцом. По совету того же Ящерицы вскоре я поменял уже ставшую привычной «беретту» на более легкий, а следовательно, и более мобильный «глок», целую партию которых Оружейная Академия извлекла недавно из откопанного военного склада в Венской епархии. В будущем, когда карьера вынесла меня к должности командира Одиннадцатого, как лучший ученик отошедшего на покой Анджея я преподавал между рейдами курс стрельбы следующим поколениям кадетов своей альма-матер. А делал я это по личной просьбе ее куратора магистра Людвига...

Этот рейд был обычным рядовым рейдом. Мы возвращались из Будапешта, где вернули Господу души нескольких приверженцев секты Пожирателей Святой Плоти, члены которой продолжали баламутить народ несмотря на то, что магистр Аврелий и брат Бернард практически полностью ликвидировали ее ядро. В Равенне мой отряд повернул к югу и добрался до Перуджи, лежащей от Ватикана в каком-то полудне пути. Там-то все и началось...

Отправленные за водой для радиаторов братья Ральф и Дмитрий привели с собой местного управляющего – перуджийского пастора. На бедолагу было жалко смотреть: глаза покраснели и слезятся, плечи опущены, руки играют невидимыми кастаньетами. Совсем еще молодой мужчина походил на восьмидесятилетнего старика.

– Брат Эрик, вы... вас пос... Послал н-нам Госп-п-п... – он поперхнулся собственными словами.

– Брат Ральф, позовите магистра Конрада и попросите у него стакан кагора для нашего гостя, – быть предельно деликатным даже с представителями низших правящих чинов меня обязывал Устав.

Коротышка-магистр притащил два пустых стакана и целый графин вина. Его дьякон поставил в тени ближайшего дерева три раскладных стула, но я попросил еще один для Михаила.

– Присаживайтесь, прошу вас, – пригласил Конрад пастора.

Винсент – так звали нашего посетителя – вцепился в стакан и, казалось, не знал, как себя вести.

– Ну-с, милейший, выпейте это и расскажите нам, Служителям Господа, чем мы можем быть вам полезны, – и Конрад показал Винсенту пример, пригубив немного вина.

После трех, уничтоженных одна за другой, порций, к пастору наконец вернулся дар речи и исчезла колотившая его дрожь. Все еще заикаясь, он сумел обрисовать нам суть своей проблемы. Конрад, Михаил и я слушали Винсента молча, боясь сбить его с мысли.

Ситуация поражала не только местом действия – до Ватикана каких-то полторы сотни километров, – но и своей бессовестной наглостью. Вчера вечером в маленький поселок Перуджа с северо-запада на двух крытых грузовиках ворвались тринадцать вооруженных арбалетами и дробовиками головорезов. Попытка двух Добровольцев Креста оказать им сопротивление ничего не дала и привела последних к скорой кончине. Все лица негодяев, кроме одного, скрывались под черными масками. Главарь же и не думал таиться. Длинное худое тело его венчала уродливо-плоская голова с огромными наростами по краям лба. Согнав всех жителей в местную часовню, человек-монстр заявил, что грядет эра тьмы и он ее предвестник, а посему падите ниц, ничтожные, и молитесь Князя Мрака о милосердии...

– Клянусь моими обожженными усами, Люцифер собственной персоной!.. Виноват, ваша честь, – вырвалось у Михаила, но Конрад, потрясенный только что услышанным, не обратил на него внимания.

...После краткой речи чудовище приказало холоумам взять всех детей, коих насчиталось восемь душ. Велев запуганным людям сидеть в часовне до утра, урод со свитой и детьми отбыл в неизвестном направлении. Ральф и Дмитрий застали отчаявшихся жителей рыдавшими на центральной площади Перуджи, когда явились туда сегодня утром, неся пустые канистры...

Пообещав разобраться, я отправил Винсента и с ним четверых бойцов на всякий случай обратно в Перуджу. Бедняга рвался помочь, предлагал людей, полуразбитый джип и много других ненужных мелочей. Ему вежливо отказали. Винсент удалился, поминутно оглядываясь. Мои громилы предупредительно поддерживали его под руки.

– Разлюбезные мои, а не может это быть простой имитатор? – озабоченно потер переносицу Конрад.

– Такой череп не подделаешь... Однако давненько про Люцифера ничего не было слышно, – ответил Михаил, поднимаясь со стула. – Второй отряд его по всей Европе гонял, только пару прихвостней схватил да и те на Троне крякнули, а информации с них надоили всего чуть.

– Ваша честь, времени у нас немного, – я тоже поднялся вслед за своим заместителем. – Эта тварь с жертвоприношениями долго не тянет. Завтра, вероятно, будет уже поздно, потому надо действовать прямо сейчас.

– Друзья мои, разумеется я даю вам «добро», но вот только где вы намерены его искать? – недоуменно спросил Конрад – на мысленный процесс магистра кагор влиял самым пагубным образом.

Люцифер, самое кровавое порождение отступничества последних лет, никогда не изменял своим традициям. Его действия следовали всегда единой схеме: налет на село,

захват детей, краткая безумная проповедь забитым и униженным взрослым и, наконец, самое изуверское – орошение алтарей религиозных святынь невинной детской кровью. Густав Ларсен, командир Второго, кусал локти и выл как умалишенный над еще теплыми маленькими тельцами, опоздав в последний раз к месту трагедии лишь на несколько часов – тогда выбор Люцифера пал на Кёльнский собор святого Петра. Всего таких трагедий насчитывалось пять. Со дня последней миновало десять месяцев. Но монстр не только не угомонился, как надеялись многие, а даже более того – он подбирался все ближе и ближе к Центру Мира, к Ватикану...

– Ассизи, ваша честь. Он будет там на горе Субази в церкви Санта-Марии дельи Анджели, – ответил я магистру. – Более подходящего алтаря ему во всей округе осквернить не удастся... Михаил, построй братьев!..

...Когда-то ассизская гора Субази приютила на своих склонах самого знаменитого стигматика христианской веры – святого Франциска. Помеченный божьими знаками, неудавшийся рыцарь проповедовал здесь в тринадцатом веке идущим за ним последователям. Вырубленные скальные гроты и построенные позже при них здания эрмитажа Карчери служили приютом первым францисканцам. Неподалеку отсюда находилась вышеупомянутая церковь, возведенная над скромной часовней, где святой Франциск окончил жизненный путь и был захоронен. Теперь же чистоте и святости Ассизской обители угрожал уродливый фанатик Люцифер...

Братья смотрели на меня и молча переминались с ноги на ногу. Благодаря Михаилу вводить их в курс событий не требовалось.

– Костас, как самочувствие? – первым делом подошел я к греку. Тот подхватил лихорадку, от самой Равенны валялся пластом и на построение приковылял, шатаясь и обливаясь потом. – Вижу – плохо. Остаешься вместе с финнами охранять магистра Конрада. Не прекайся... Ярво и Самми, вы двое тоже – операция тихая, «трещотки» не нужны... В общем, как обычно. Князь Тьмы любит тьму, а потому раньше полуночи Люцифер детей не тронет. Делимся на две команды. Одна окружает церковь, но на штурм не идет, ждет вторую. Ею руководит... брат Вацлав. Вторая прочесывает эрмитаж – мы должны убедиться, что там чисто и никто не ударит нам в спину. Группой номер два руководит брат Михаил. Я как координатор иду со второй. Если что-то не так, сориентируемся по ходу действия. Вопросы?

– Я так понимаю, шестистволить не придется? – Голос разочарованного брата Энрико.

– Правильно понимаешь... Еще вопросы?

– Люцифера...

– ...брать живым! Холуев не жалеть... Это все? Ну раз так, тогда по машинам!..

С наступлением вечера пришла долгожданная прохлада. Оставив технику в Ассизи на попечение финнов и грека, им же сдали «под опись» и Конрада с дьяконом. Порасспросив местных крестьян, удалось выяснить, что днем через поселок пронеслось два грузовика и вроде бы по направлению к горе Субази, что лишний раз подтверждало мои догадки.

В сгущающихся сумерках я напоследок оглядел еще не разделившийся отряд. Почему-то именно этот момент вспоминался мне впоследствии чаще других. Отменные бойцы, прекрасная команда. Они верили мне, я безгранично доверял им. Наверняка те из них, кто жив до сих пор, считают меня предателем.

Я помню всех поименно. Помню, хотя прошло столько долгих лет с той поры. Помню и никого никогда не забуду...

Брат Михаил топчется рядом со мной и нервно покусывает кончики своих шикарных усов.

Брат Гюнтер, молчаливый великан-германец, невозмутим как скала. Его помповый карабин «бенелли» покоится на сгибе массивной руки, дожидаясь, когда наступит время

выплевывать любимую германцем крупную картечь. Безжалостное оружие, как, впрочем, и его хозяин.

Брат Ральф деловито вставляет ленту с патронами в «хеклер-кох-21» – безотказный в любой тяжелой работе ручной пулемет.

Вацлав и Дмитрий – бывшие члены Варшавского отряда Михаила, перешедшие под мое командование вместе со своим пронырливым руководителем. Оба уже в годах, однако это не умаляет их профессионализма. Как и Михаил, могут заменить меня в любой момент.

Маленький круглолицый брат Тадеуш барабанит в волнении пальцами по цевью такого же маленького, как он, дробовичка «франчи». Его врожденный оптимизм всегда благотворно влияет на боевой дух нашего коллектива.

Братьям Саймону и Гансу оружие можно вообще не выдавать – парочка костоломов неплохо справляется и без него. Я сам свидетель. Жилистый худой Саймон и, напротив – упитанный крепыш Ганс – в совершенстве владели древним британским боксом в сочетании с немислимыми по скорости ударами ногами и некоторыми наиболее действенными борцовскими приемами. В свободные минуты и тот, и другой охотно делились с нами своими знаниями. Кое-что оттуда перенял и я в том числе.

Брат Свен и брат Адриано, как и брат Ральф, входили в группу огневой поддержки и являлись штатными снайперами Одиннадцатого. Вообще-то, иметь у себя в отряде двух снайперов было неразумным излишеством. Я даже знаю такие подразделения – тот же Первый, к примеру, – где снайперов не наблюдалось вовсе. «Старики», коих на командирских постах стояло две трети, настаивали на том, чтобы каждый боец шел в атаку плечом к плечу со своими товарищами, а потому возлежание вдали от поля боя со снайперской винтовкой было для них чем-то сродни околачиванию груш. Но я пока к «старикам» не относился и на правах руководителя боевой группы, носящего в петлице три серебристых креста, вписал себе в штат двух дистанционных убийц, прекрасно понимая, что их крупнокалиберные дальнобойные «гепарды» прикроют наши задницы хоть из самого Ватикана. А на нарекания я просто не обращал внимания – и Свен, и Адриано не единожды доказали, что не зря получают свое высокое жалованье.

У чешущего лысину брата Фернандо огромное широколезвийное мачете гармонично дополняло штатную штурмовую винтовку, и история хранила молчание, чем данный живодер накрошил еретиков больше – холодным или огнестрельным оружием. Я подозревал, что у кровожадного португальца что-то не в порядке с психикой, хотя вопреки моим подозрениям ежегодную медкомиссию он проходил без каких-либо проблем.

Самый молодой боец моего отряда – брат Энрико. Он выпущен Боевой Семинарией всего полгода назад. Являясь сыном мадридского архиепископа (сдается мне, не самым любимым, раз так легко уговорил отца отправить себя в Корпус), Энрико мог запросто поступить в любую мирную Академию, но нет же – романтика, понимаешь, одолела! Ничем особенным он не выделялся – стандартный молодой боец с ярким, еще непотертым, крестом на плаще, – однако на периферию отправлен не был. Очевидно, сказалось папашино влияние. Куратор Боевой Семинарии, магистр Людвиг, персональным распоряжением зачислил юного идеалиста ко мне в отряд, наверное, посчитав, что из всех командиров я буду единственным, кто не станет особо допекать магистерского отпрыска. И правда – я его не допекал, но за меня этим занимался эксперт по сбиванию спеси с молодых кадетов брат Михаил, вышколивший Энрико как положено.

Ушедшие сопровождать пастора и оставленные мной для успокоения жителей Перуджи братья Матиас, Йозеф, Януш и Марио, а также некстати заболевший Костас, являлись не лучшей частью Одиннадцатого, посему получили работу «полегче». Загонщики на «иерихондах», близнецы Ярво и Самми, тоже остались не у дел. Эта парочка – предмет отдельной беседы. Помешанные на скоростной технике водители-универсалы, они, в отли-

чие от прочих водителей Корпуса, не подкрепляли основной состав подразделения, а представляли собой отдельный моторизованный взвод. Тоже, кстати сказать, моя оригинальная разработка. Я надеялся, что со временем стану родоначальником нового усовершенствованного способа Охоты, напоминающего древний вариант травли жертвы борзыми собаками. Но к этим безумным финнам-отморозкам я еще вернусь в своем повествовании подробнее, ибо именно они, а не кто-то другой, сказали решающее слово при взятии монастыря Ла-Марвей, и они же едва не оставили меня гнить в лесных приграничных дебрях...

Стоя сейчас со мной у горы Субази, никто из братьев и не предполагал, что уже недалек тот день, когда командир лишит их всего: карьеры, безупречной репутации, уважения братьев из других отрядов, а некоторых даже более того... Хотелось бы попросить прощения перед всеми, но вот только вряд ли теперь оно кому-либо нужно. В том числе и мне...

Наконец густые невысокие деревья, облепившие склоны горы, слились в единую темно-серую массу. Стрекотание цикад защекотало перепонки. Откуда-то сверху потянуло прохладным ветерком. Природа отходила ко сну, однако Зло, испоганившее своим присутствием эту идиллию, отдыхать не намеревалось.

Я снял берет, передал его Михаилу, после чего вынул из кармана плаща специальную резинку и стянул свои черные патлы в тугой «конский хвост». Этот своеобразный ритуал перед боем служил одновременно знаком для всех моих бойцов: «Командир готов – пора!»

Группа Вацлава некоторое время двигалась вместе с нашей, но возле приземистых зданий эрмитажа Карчери свернула влево, бесшумно растворившись в темноте.

Комплекс примыкавших к скальным гротам строений едва различался на фоне леса. Я передал руководство Михаилу, оставив себе лишь обязанности координатора, имеющего право в любой момент свернуть операцию или перекроить порядок ее проведения.

Рука дозорного Ганса взмыла вверх, и мы мгновенно рассредоточились за корявыми стволами деревьев. Михаил и я, пригнувшись, подкрались к нему.

– Двое у колодца. Вооружены, – полушепотом доложил Ганс. – Похоже на охранение. Вероятно, дети здесь, брат Эрик... А вон и грузовики!

Небольшой центральный дворик комплекса окружали шесть или семь каменных зданий высотой в один-два этажа. На бордюре имевшегося здесь же колодца примостились двое мужчин, своей оживленной беседой заглушавшие стройный хор цикад. Видимость еще позволяла разглядеть прислоненные к бордюру взведенные арбалеты. Но самое главное – искомые нами крытые брезентом грузовые машины находились позади охранников, очевидно, проехав к эрмитажу по узенькой извилистой дороге.

– Фернандо! Гюнтер! – Михаил провел пальцем по кадыку, красноречивым жестом заменяя слова приказа.

Германец, несмотря на свои нешуточные габариты, начал без единого звука передвигаться вдоль каменных фасадов. Дышавший ему в затылок португалец плавно обнажил мачете. Но внезапно оба они замерли и вжались в неровности стены.

Послышался детский плач. На крыльцо примыкавшего к воротам строения вывалился третий убудок, таща за волосы ребенка лет восьми, по всей видимости – девочку.

– Заткнись, я сказал! – Люциферист споткнулся и дернул малышку сильнее, отчего та перешла на визг. – Закрой рот, мелкая тварь!

– Ты куда? – поднялся с бордюра один из охранников. – Церемония через сорок минут!

– Успею! – Тащивший девочку хрипло хохотнул и втокнул ее в соседнюю дверь, зайдя следом и захлопнув щеколду.

Снова усесться на прохладный камень охраннику не удалось. Огромные ладони легли ему на затылок и лицо, после чего резко рванули вправо и назад. До нас долетел глухой хруст шейных позвонков.

Увидев, как его товарищ мешком плюхается в пыль, второй страж подпрыгнул кузнечиком и схватил арбалет. Но практикой доказано: нельзя хорошо прицелиться, если тело твое стоит на ногах, а голова при этом лежит на земле. Мачете брата Фернандо вновь подтвердило сию незыблемую аксиому.

Мы присоединились к германцу и расчленителю.

– Я и брат Эрик берем извращенца, – Михаил был предельно краток. – Гюнтер, Дмитрий, Тадеуш – прочешите ту сторону двора! Ганс, Фернандо – эту! Ни одной занюханной каморки не пропустить! Разбежались!..

Ударом ноги мой замком вынес хлипкую щеколду, и я проник в дверь, рыская стволом пистолета в поисках третьего засранца. Правда, тот оказался малость попроворней, но, к счастью, ненадолго...

Остальные семеро детей были в более или менее нормальном состоянии, за исключением того, что их так и не удосужились покормить. Действительно, зачем Люциферу утруждаться подобной проблемой, когда заранее знаешь участь своих маленьких жертв.

Оставив Дмитрия и Тадеуша нянчиться с ревушей оравой (в грузовиках мы обнаружили кое-какие продукты, что вселило надежду немного успокоить перепуганных ребятшек), я, Михаил, Гюнтер, Ганс и Фернандо, стараясь не шуметь, легкой трусцой выдвинулись по направлению к маячившему на темном фоне неба силуэту шпиля церкви Санта-Марии дельи Анджели, которую, по моим расчетам, уже должна была окружить группа Вацлава.

– В эрмитаже не было ни живых, ни мертвых монахов, швед. О чем тебе это говорит? – не снижая темпа, спросил Михаил.

– В том или ином виде, они будут там, – я указал на приближавшуюся громаду церковного сооружения. Судьба присматривающих за комплексом Слуг Господа мне тоже была небезразлична – их шансы выжить едва ли являлись высокими.

Из-за дерева навстречу нам вынырнул брат Вацлав:

– Как у вас?

– Все в порядке. Дети живы. Трех люцифериков списали подчистую, – ответил я и увидел, как поляк удовлетворенно улыбнулся.

– Стреляли?

– Один раз. Неужели услышали? Вроде бы далеко... – я слегка напрягся.

– Да нет. Там у них один на охране. Ходит кругами. Что-то учуял недавно, прошелся по дороге, прислушался, но ничего... Сейчас кемарит у главных ворот. Уверены сволочи, что здесь, кроме них, никого, а потому беспечны як цуцики...

От такой информации мне заметно полегчало:

– Что ж, придется поганцев разочаровать. Значит, внутри их вместе с Люцифером девять человек. Ладно, приступим...

– Я побеседую с вертухаем, – Михаил, не дожидаясь моего одобрения, вышел на дорогу и зашагал к церкви. Меня уже перестало удивлять его хроническое пренебрежение Уставом, и я лишь молча покачал ему вслед головой.

Нам с Вацлавом была хорошо заметна прислонившаяся к массивным воротам фигура в темном комбинезоне. Михаил, стараясь не попадать под тусклый свет освещенных изнутри свечами окон, громко закашлял. Человек встрепенулся:

– Это ты, Иштван? – и, отойдя от ворот, пошел Михаилу навстречу.

– Я... а кто же... еще? – не прекращая кашля, ответил русский. – Помоги, а то они брыкаются!..

– Ты рановато их привел. Люцифер прогневается, – охранник приближался. – Это... а выродки-то где, Иштван?... О, Дьявол, ты кто?!

– Тень святого Франциска! – Из рукава Михаила выскочил острый как бритва стилет. Расстояние до охранника он преодолел одним прыжком. Тот хотел было рвануться назад, но опоздал. Прижав люцифериста левой рукой, Михаил коротким ударом вогнал клинок ему под ребра и провернул. Хрипящий охранник, хватаясь пальцами за его плащ, сполз на дорогу. Мой заместитель брезгливо оттолкнул тело ногой.

Мы вышли из укрытия.

– Кто держит задний вход и окна? – спросил я.

– Ральф со снайперами.

– Отлично. Энрико, предупреди их – мы начинаем. Сам возвращайся и прикрывай нас с парадного входа.

Шустрый сын архиепископа скрылся за углом. Мы прислушались, стараясь определить, что происходит внутри. Монотонное бормотание доносилось сквозь толстенные ворота церкви – люциферисты читали на латыни свои заклинания. Я уловил лишь знакомое мне «...Ave Satanas...», все остальное сливалось в одну непере译имую кашу.

Вернулся Энрико и молча кивнул. Гюнтер, ухватив дверную ручку, оттянул воротину на себя, пропустил нас по одному и последним вошел сам, придержав тяжелую створку, чтобы та не хлопнула.

Пахло смрадом и сыростью. Единственное освещенное место было у алтаря, где горели десятка четыре свечей из черного воска. Весь пол вокруг покрывали корявые символы, написанные чем-то красным. Три обнаженных и вскрытых тела монахов объясняли это: кровью! До единого мелкого штришка, до самой ничтожной закорючки – только кровью!

Алтарь окружало восемь человек, прячущих лица под капюшонами иссиня-черных балахонов. Девятый, длинный и сутулый, поднял голову, почуяв движение в проеме арки.

Люцифер действительно поражал своим уродством: надбровные дуги сплющенного черепа плавно перетекали в огромные рогообразные наросты по обе стороны выпуклого лба. Пронзительные глаза смотрели на нас, скрытых тенью, не щурясь и не моргая. Блики свечей мешали Люциферу разглядеть, кто вошел.

– Иштван, ты опять раньше времени! – мрачный загробный голос неплохо подходил к его inferнальному образу. – Тебе же сказали – в полночь! Или ты снова забыл порядок церемонии?

Но едва я открыл рот для произнесения приказа о сдаче, как этот ни во что не ставящий старших по званию русский опять меня опередил:

– Именем Господа, Пророка и Апостолов приказываю тебе, Князь Тьмы или как тебя там: рога в землю, копыта вверх! Соппротивление бесполезно – церковь окружена!..

Уж кто-кто, а отряд Охотников ночью в горном лесу явился для этой кодлы полной неожиданностью. На несколько секунд воцарилась тишина, а потом Люцифер закричал.

Крик его был жалок и полон отчаяния. Куда исчез весь этот мрачный показной пафос, словно аурой окружавший кровавого маньяка? Люцифер понял, что это конец, причем конец страшный и мучительный...

Продолжая кричать, чудовище выхватило из-под балахона такой же кривой, как и у Иштвана, кинжал, а затем бросилось в нашу сторону. Первым среагировал на его атаку брат Саймон. Помня приказ о недопустимости гибели Люцифера, он выбежал ему навстречу, нырком увернулся от разящего лезвия, а после этого ткнул носком ботинка Князю Тьмы между ног. Вой того перешел на более высокую октаву.

– Су-у-у-у-уки-и-и-и-и-и!!! – вопил, сложившись пополам, черт-переросток, разом забыв о заклинаниях и латыни. – У-у-у-у-уи-и-и-и-и... упх!!!

Тот же ботинок заехал ему по голове, заставив потерять сознание.

– А я ведь тебя как человека предупредил... – брезгливо поморщившись, подытожил Михаил, но подумав добавил: – Впрочем, какой ты к чертовой матери человек!..

Но это был еще не конец. Внезапно оцепенение оставило остальных одетых в черное жрецов, до этого даже не пытавшихся хоть как-то отреагировать на происходящее. Восьмерка разделилась – четверо последовали примеру господина, остальные кинулись в угол к не замеченному нами арсеналу.

Маленькие скорострельные «хеклер-кохи» Саймона и Ганса срезали квартет номер один за доли секунды, не дав тому миновать и половины разделявшего нас расстояния.

Оставшиеся попытались оказать более достойное сопротивление. Едва очереди моих бойцов смолкли, как из противоположного угла церкви раздался ответный выстрел дробовика. Заряд дроби снес лепной изразец над головой Вацлава, обдав того крошками разлетевшейся штукатурки.

Мы мгновенно рассыпались по гулкому залу, используя как укрытия алтарь, скамьи и прочие детали убранства. Первого ублюдка прикончил я, когда тот попытался произвести рекогносцировку поля боя. Он высунул из-за склепа святого Франциска лишь половину лица, но для меня этого было вполне достаточно – я тут же всадил ему пулю в правый глаз.

Второй противник, укрывшись под ведущей к хорам ветхой лесенкой, в панике пускал наугад стальные арбалетные стрелы, иначе именуемые «болты». Один такой тяжелый болт, отрикошетив от стены, начал хаотичное вращение и съездил по затылку брата Фернандо. Оглушенный португалец рухнул пластом на каменные плиты пола.

– Ах ты, гнида! – Михаил перекатился в центральный проход и из положения лежа открыл огонь по врагу длинными очередями. Мощный «АКМ» пробил насквозь деревянное укрытие люцифериста и его самого.

Двое еще живых принялись пятиться к воротам черного хода. Гюнтер перебежал вперед, занял позицию у алтаря и, встав на одно колено, вlepил заряд картечи в грудь ближайшего к нему сектанта. Того подбросило, и он, задрав ноги, отлетел назад, грохнувшись спиной о ворота, к которым так стремился.

Видя весьма незавидное для себя положение вещей, четвертый мерзавец совершил рывок к окну, прыгнул, пробил телом мозаичный витраж и очутился снаружи. Свобода, спасение, счастье были так близки и так ощутимы...

Раскатистый выстрел крупнокалиберного «гепарда» брата Адриано поставил точку в существовании последнего члена банды кровавого Люцифера.

Заработавший колоссальную шишку Фернандо да поймавший плечом пяток дроби Ганс – вот и все наши потери в этой операции. В одном из подсобных помещений мы нашли семерых связанных монахов. Их ждала скорбная и неблагодарная работа: захоронение мертвых, ремонт собора и возвращение атмосфере оскверненной святыни духовной чистоты своими молитвами.

Утром следующего дня детей вернули наполовину поседевшим родителям. Я не присутствовал при этом – магистр Конрад попросил меня помочь в проведении предварительного Очищения души нашего уродливогого гостя, предоставив тому его законное право занять Трон Еретики.

Возвратившийся из Перуджи Михаил пребывал слегка навеселе и помимо аромата молодого виноградного вина источал также невероятную благость. Собрав всех отсутствовавших на процедуре спасения детей, русский заплетающимся языком объявил им, что отныне все мы почетные граждане данной деревеньки и что именами Конрада фон Циммера и Одиннадцатого отряда Инквизиционного корпуса назовут две из трех имеющихся там улиц. Ко всему прочему, пастор Винсент собирался просить аудиенции у Пророка, дабы потребовать у того щедрой награды для сегодняшних героев. Все попытки растроганного до слез Михаила остудить радостный пыл властителя трех улиц разумными контрдоводами

типа «всем нам просто очень повезло» и «мы всего лишь случайно оказались в нужном месте в нужное время» результата не возымели и были Винсентом проигнорированы.

– Ну и пускай просит, – сказал мне русский, когда наш кортеж уже узрел на горизонте подпирающую облака громаду Стального Креста. – Поставят на очередь, через полгода, глядишь, допустят к Его Наисвятейшеству. Выслушает он Винса краем уха, да тут же и забудет. Так ведь у нас всегда... А я вот когда стану старой развалиной и уйду в отставку, перееду в Перуджу и куплю себе домик на улице магистра Конрада. Затем сойду с местной старушкой, проканителюсь еще десяток-другой лет да и отброшу копыта под мандариновым деревом со стаканом дешевого портвейна в руке... Ну как тебе, Гроза Люциферов, перспективка, а?..

И Михаил, не дождавшись ответа, вздохнул, а после улыбнулся, шевельнув усами, то ли насмешливо, то ли печально.

Похоже, ботинок Саймона лишил и без того обиженную здравомыслием голову Люцифера последних остатков ума. Ни каяться, ни просить о милосердии изверг не желал, сколько Конрад ни увеличивал электронапряжение Трона. Только слова о неминуемо падающем на нас проклятии за издевательство над слугой истинного Повелителя Мира прорывались сквозь выступавшую на его губах пену. Так что радужные мечты малорослого магистра не сбылись – стать человеком, вернувшем Господу столь гнилую и черную душонку, ему не повезло. Не удалось это, надо заметить, и Главному магистрату, несмотря на сонмы великих развязывателей языков, что обитали за его неприступными стенами.

Человека, «мнящего себя Сатаной», сожгли у подножия Креста ровно через месяц медленным, самым мучительным огнем. Присутствующие на казни родители невинно убиенных, а точнее попросту растерзанных Люцифером на куски маленьких жертв долго после Очищения плевали в смрадный пепел и топтали его ногами...

– Ты знаешь, – сказал мне немного позже брат Михаил, когда после этой публичной экзекуции мы забрели с ним в наш, обслуживающий только членов Братства Охотников, бар, – а ведь голова у этого паскудника была что ни на есть натуральная, как говорится, от матушки-природы. Его родили где-то на зараженных ядовитой энергией прошлого пустошах. Эта энергия вроде бы как и вылепила ему рога с прочими причиндалами.

– Очевидно, и до мозгов дотянулась, – добавил я. – Согласись – кого-кого, но детей...

– Незадолго до начала дознания, – продолжал Михаил, – кому-то из палачей Главного тюкнуло по темечку подсунуть Люцику в клетку молодую голую ведьмочку из соседних казематов. Сам знаешь, там этого добра уйма...

– И что? – скептически хмыкнул я, по опыту зная, что русский и приврет – не дорого возьмет.

– А представь себе – ничего! – нисколько не смутился он. – Заныкался, значит, наш Князь Тьмы в угол, сжался комком и зарыдал, как до этого жертвы его. Большой никчемный субъект! Обиделся на весь мир, понимаешь, и давай уничтожать то, чего сам сделать был не в состоянии. И кодла его небось из таких же состояла.

– Где ты берешь свою информацию? – недоверчиво посмотрел я в бесстыжие глаза своего заместителя. – Признайся: поди сам только что сочинил!

– В отличие от тебя, испаноскандинав, – взгляд Михаила отражал лишь оскорбленную кристально-прозрачную честность, – я черпаю факты не из газеты, а из более осведомленных источников противоположного пола. Кстати, да будет вам известно: одна такая просила меня познакомить ее с великим, как ошибочно многие считают, обламывателем люциферских рогов. Так что допивай пиво и пойдём поведаем кискам о наших подвигах – я ведь как-никак пообещал...

5

« – Вот и вы! – воскликнул он. – А доктор еще вчера вечером прибыл из Лондона. Отлично! Теперь вся команда в сборе.

– О сэр, – закричал я, – когда же мы отплываем?

– Отплываем? – переспросил он. – Завтра».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Историки утверждают, что во времена Римской империи Ренн, стоявший на пересечении рек Иль и Вилен, носил другое название – Condate, что по-латыни означало «слияние». Именно слияние отдельных боевых единиц в мощный кулак и происходило сейчас во дворе Реннского епископата.

Матерый сарагосец – а Гонсалесу было уже под шестьдесят – практически не изменился со дня нашей последней встречи три года назад – сухощав и подтянут, как и подобает истинным потомкам гордых испанских грандов. Вот только седых волос добавилось на когда-то бархатно-черной шевелюре Карлоса, да пара-тройка свежих морщин врезалась в смуглое лицо. Матадор стоял на пороге отставки, однако, судя по его крепкому рукопожатию, он о ней и не помышлял.

– А знаешь, сеньор Хенриксон, последнее время ты весьма знаменит, – произнес Карлос после приветствия. – Я подозревал, что брать Проклятого позовут тебя, а не парижан, хотя эти ленивые псы находились гораздо ближе... Скажи-ка мне лучше, как здесь потчуют?

– Сносно, – ответил я. – Лучше, нежели в Орлеане, где мы загорали неделю.

– Это радует. – Гонсалес улыбнулся правой половиной рта, отчего улыбка его приобрела злорадный оттенок. – А вот в Бордо, откуда мы прибыли, было вовсе погано. Ублюдочный тамошний епископ накормил моих ребят какой-то гнилой дрянью! Пока ехали сюда, через каждые десять километров тормозили – то одному приспичит, то другому... Придешь бы поганцу пятки за саботаж!..

– Милейшие мои, не соизволите ли подать руку смиренному Служителю Божьему, пока тот не навернулся прямо о твердь земную!..

О, нет! Только не это! Второй год подряд! Снова он! Господи, за что твой верный раб Эрик Хенриксон вновь так жестоко наказан?

Из дверного проема магистерского отсека трейлера Пятого отряда высовывался руководитель моего прошлогоднего и такого успешного рейда – Божественный Судья-Экзекутор, коротышка-магистр, Конрад фон Циммер. Его толстенькая ножка тщетно ловила верхнюю ступеньку лесенки, а взгляд был исполнен ненаигранной мольбы о помощи.

Гонсалес закатил глаза к небу, после чего умоляюще посмотрел на меня. О, я его прекрасно понимал! Если магистр Конрад пробивал даже мой полунордический темперамент, то как же нелегко приходилось с ним горячему южанину!

Из уважения к более старшему на зов откликнулся я. Изобретатели походных трейлеров при всей своей образованности и представить себе не могли, что в природе существуют магистры столь миниатюрных комплекций. Вечным заложником их недальновидности как раз и являлся малорослый магистр Конрад. Взяв бедолагу под локти, я вернул его на грешную землю.

– Разлюбознейший Эрик, я всегда знал, что вы мой самый лучший друг! Будь решающей не Божья воля, а моя, в рейды хаживал бы исключительно с вами, – пролепетал благодарный коротышка.

Сегодняшнюю Божью волю я поддерживал на триста процентов, но, видать, недостаточно, раз Всевышний свел-таки нас вновь...

– Благодарю вас, ваша честь, однако разве очередность вашей командировки уже подошла? – Я помнил, что Конраду оставалось «отдыхать» как минимум еще несколько месяцев.

– Магистр Джозеф – такая досада! – приболел в пути, – горько вздохнул он, отряхивая грязь со своего балахона. – Но я, покорно склонив голову, воспринял волю Апостола Инквизиции, когда он решил заменить его мной.

Это могло означать лишь одно – отношение к Конраду его коллег по Магистрату было аналогичным нашему, а потому при любых накладках в графике рейдов недомерок всегда становился крайним.

Церемония приветствия повторилась, правда, темп ее заметно упал – епископ Жан-Батист стал тяжелее на целый, надо думать, нехилого объема, ужин. Вышел поприветствовать Конрада и магистр Виссарион, державшийся в своей обычной сдержанной манере. Украшение епископата – дочь Жан-Батиста – на этот раз отсутствовала, вероятно, удостоив-таки вниманием моего внештатного «ординарца».

Пятый отряд удалился ужинать. Я исключительно любопытства ради прошелся вдоль ряда его техники. Имеющее более привилегированный номер, подразделение Карлоса могло рассчитывать и на более дорогостоящее вооружение, как раз и представленное здесь занимавшими кузова «самсонов» солидными спаренными сорокамиллиметровыми автоматическими орудиями «МК-5». Оба они были некогда сняты с остовов боевых кораблей Древних и заново восстановлены дьяконами Оружейной Академии. Я ни разу не видел их в действии – своим-то тяжелым вооружением пользовались редко, да и то больше для устрашения. За расход боеприпасов к «вулканам» спрашивали со всей строгостью, а потому любимая забава моих бойцов обходилась мне горами отчетов о необходимости их применения.

Один из бойцов Матадора нес охранение возле орудий, прохаживаясь взад-вперед да изредка попинывая массивные покрышки «самсонов». Увидев три командирских креста у меня на петлице, он тут же принял уставную стойку, а затем отсалютовал мне четким и свойственным, по-моему, лишь молодым Охотникам движением.

– Да брось ты, – отмахнулся я и подошел поближе. – Недурственные у вас пушечки. Давно использовали?

– С месяц назад, – боец расслабился и позволил себе прислониться к подножке «самсона». – Сектанты под Бордо общину сколотили, народ баламутили, про Господа небылицы всяческие пороли... Одним словом, наш клиент. Ну, окружили мы их, а там не община, а целый укрепрайон: стены с бойницами, насыпь, частокол... Долго уговаривали сдаться на Божью милость, минут пятнадцать. – Для стремительного Гонсалеса действительно – вечность! – А они нам – нет, дескать, умрем как один, но в ваши грязные лапы не пойдем, и баста! Задело это Мата... виноват – брата Карлоса. Ну, говорит, на нет и суда нет, только наказание. Развернули «эмкашки» да дунули из четырех стволов по частоколу. И как назло, первую клинит – затвор чего-то заерепенился, подлюка. Ну мы, правда, и одной ворота просверлили, внутрь зашли, оплеух прикладами надавали тому, кто помоложе да поглупей, а шишек их повязали всем скопом. Магистр Конрад в две смены работал, Трон не выключал. Все обратно к Богу вернулись, а то орали!.. Добрый он – магистр Конрад: из семерых только двоих Очищению предал, остальным ногти повыдирал да крестом раскаленным к языку приложил, чтоб Писание, сволочи, не хулили. Молитву над заблудшими душами прочел, а после отпустил с миром... Шибко уж добрый, нехорошо это... Вот только собрались «эмкашку» в Академию на ремонт везти, гонцы пожаловали. Оставим, наверное, здесь пока, чего таскать-то за собой. Но я вам так скажу...

Головорез был не прочь поговорить и подольше, но я слишком устал. Назначил караул, доплелся до своих нар и через минуту уже спал.

Стакан на столике дребезжал. Противный звон проникал в мозги, хочешь – не хочешь заставляя просыпаться. Солнце поднялось высоко, значит, скоро завтрак. Выспался я на славу, даже отлежал левую руку. Потянулся лежа, сел и принялся натягивать ботинки, ставшие за ночь холодными и неродными...

...Стакан! Странно, но дребезжание усилилось; того и гляди, мой стеклянный товарищ прыгнет со столика и покончит с собой в это прекрасное утро! Что, черт побери, происходит?

В дверь моего командирского отсека раздался легкий стук. Получив разрешение войти, на пороге нарисовался брат Энрико.

– Брат Эрик, прибыли магистр Аврелий и брат Бернад. Похоже, дело и впрямь серьезное, вы только посмотрите, что они притащили с собой из Ватикана! – Энрико в нетерпении переводил взгляд с меня на нечто, грохотавшее во дворе, и обратно.

– Иду, – просипел я пересохшим за ночь горлом. Энрико ретировался из дверного проема, ослепив меня хлынувшим в него потоком яркого утреннего света.

Стакану и впрямь было с чего взбеситься. Во двор епископата, кроша бульжное покрытие стальными траками, влезало многотонное носатое чудовище, заставляя вибрировать, казалось, все мироздание, включая и его основы. Подкатив бронированное тело к рядам нашей техники, существо фыркнуло, испустило облако зловонного дыма, рывком дернулось вперед и затихло. Вслед за ним вполз остальной транспорт Бернарда: стандартная пара трейлеров, «хантер», «самсон», вместо автоматической пушки груженный какими-то ящиками, и приземистый бортовой грузовик, судя по звуку двигателя и ширине колес – невероятной мощности и грузоподъемности. Последний нес на себе скрытую под брезентом крупную конструкцию весьма приличного размера и веса.

Сзади, зевая, подошел Карлос.

– Карамба! Это интригует! Когда-нибудь имел с такими дело? – И он указал в сторону длинноносого металлического зверя.

– Вообще-то нет, – я был заинтригован не меньше него. – Но кадетами нас водили на экскурсию в Оружейную Академию, где я и видел такую штуку первый и последний раз в жизни. По-моему, напоминает гаубицу...

– Да, ты прав. Это самоходная гаубица «АС-90». Достанет до Мон-Сен-Мишеля не доезжая двадцати километров. Жуткая вещь... В чем дело? Уж не русские ли там окопались?..

Третий повтор ритуала приветствия Жан-Батист отработал изящнее всего. Порхая вокруг магистра Аврелия этакой двенадцатипудовой бабочкой, епископ поминутно хватал того за рукав и без умолку сыпал любезностями.

Бернард вылез из «хантера», огляделся, кивнул Жану-Батисту, но подходить к нему не стал. Лицо Мясника выражало открытое презрение подобным лицемерным словоизлияниям. Однако через полминуты сдержанная улыбка озарила-таки его – Бернард заметил нас с Карлосом.

Не знаю, как Матадор – Бернард был ему почти ровесник, – а я испытал настоящий мальчишеский трепет, когда мою руку пожимала рука живой легенды Братства Охотников.

– Брат Карлос! Брат Эрик! Приятно работать с уважаемыми людьми. Вы уже завтракали? Нет? Ну хорошо, показывайте, где здесь харчевня...

Широкоплечий крепыш среднего роста с ежиком коротко стриженных волос, Бернард Уильямс в свои пятьдесят полностью поседел. Зато на остальных фронтах немилосердная Старость потерпела сокрушительные поражения. Так что взглянув командиру Первого в глаза, я мог лицезреть лишь одно – силу, жесткую бескомпромиссную силу. Ту, что вела его от победы к победе, цenia человеческие жизни не дороже грязи под ногами. Это пугало и восхищало одновременно...

– Я вижу, у вас возникли кое-какие вопросы, – не отрываясь от еды, Бернард посмотрел на нас с Гонсалесом. – Прошу вас, задавайте, не стесняйтесь,

В епископатской столовой для слуг мы сидели вшестером: брат Бернард, брат Карлос, я и наши заместители – брат Вольф, брат Марчелло и брат Михаил. И если Марчелло являлся, по сути, Охотником заурядным, то о Вольфе, имевшем прозвище Циклоп, следовало бы сказать особо. Именно этот человек занимал командирскую должность Одиннадцатого до того, как на нее был назначен я, из-за чего мне пришлось уйти с поста замкома Ящерицы после двух лет пребывания на нем.

Особенно ярко выделялся Вольф внешностью. Двухметровый Гюнтер – единственный из старожиллов Одиннадцатого, кому довелось послужить под командованием брата Вольфа, – поставленный рядом со своим бывшим командиром, проигрывал ему едва ли не полторы головы в росте и почти целый локоть в плечах. Ходили слухи, что столь нечеловеческими габаритами гигант был обязан все той же ядовитой и невидимой энергии Древних, которой, по всей очевидности, когда-то заразились его родители. Когда эта гороподобная машина нависала над вами, пусть даже мирно при этом беседуя, вы испытывали естественное желание скрыться куда-нибудь, а потом долго-долго оттуда не высовываться. Дополнение к портрету Вольфа вносила бритая до зеркального блеска голова и единственный сохранившийся глаз, злобно сверкающий из-под правой надбровной дуги. Глазница же левого прикрывалась черным кожаным пятачком, удерживаемым вокруг лысой макушки тонкой тесьмой.

Насчет утраты гигантом второго органа зрения хаживало множество красивых легенд. Лично мне более всего импонировала та, в которой глаз Вольфу высосала какая-то сумасшедшая старуха-ведьма, но я-то точно знал, что всему виной была банальная пистолетная пружина, некстати соскочившая во время чистки Вольфом оружия.

Циклоп восхищался Бернардом Уильямсом настолько, что, когда Мясник, пораженный при встрече этой неординарной личностью, предложил командиру Одиннадцатого занять у него более низкую по рангу должность замкома, тот с превеликой радостью согласился, чем поспособствовал и моему продвижению по службе. Наверное, следовало его за это поблагодарить, да вот только приближаться лишний раз к Циклопу не хотелось – могло и не подфартить, как когда-то Одиссею...

– Брат Бернард, – опередил меня с вопросом Гонсалес, – к чему такие калибры? Я думал, там и трем отрядам работы не будет. Всего делов-то: врывайся да вяжи Проклятого как пожелаешь.

– Так оно и должно было быть, – кивнул Мясник. – Но только все обстоит куда сложнее, чем вы думаете. Вы знаете, что я прибыл маршем из самого Ватикана. За несколько дней до получения мной приказа о начале операции Защитники Веры из Брюсселя привезли в Главный магистрат искателя, приторговывавшего найденным огнестрельным оружием. Хоть это, говорят, и не ваш профиль, но вы должны его выслушать. Сами понимаете, как только он увидел Трон, то стал колотиться как грецкий орех под рукояткой пистолета. И что же выясняется: оказывается, за месяц до этого на его территории раскопок неопознанная группа вскрыла хранилище военной базы Древних. Торгаша обидел не сам факт, а то, что он всю жизнь прокопался там и даже не подозревал о ней. Само собой, пустился в погоню, но не догнал, однако угадайте, куда вывел его след?

– Мон-Сен-Мишель! – догадался Карлос.

– Вот именно!

– И что же они нарыли в том складе? – настала моя очередь задавать вопросы.

– Наш искатель обнаружил уйму полуистлевшей документации на всяческие разновидности гранатометов: «Карл Густавы», «панцер-фаусты», «фольгоре», даже «стингеры», которые Оружейная Академия так и не смогла восстановить.

Наступила длинная пауза.

– Разрешите? – подал голос брат Михаил.

Бернард кивнул.

– Я думаю, шансы на то, что подобные штуки сработают, невелики. Ведь из того количества, которое свозилось в Академию, были реставрированы лишь единицы. По моему мнению, можно особо не переживать...

Мясник поморщился – уверенность Михаила пришлась ему явно не по душе:

– Может, оно и так. Но нам известно, что захвачено было приличное количество этих огнеплюющих труб. Да и склад, как утверждает эта сволочь-контрабандист, находился в добротном состоянии. Делай выводы.

– Каждым удачным выстрелом, – добавил Матадор, – они способны лишить нас единицы техники, не говоря уже о людях. Представляешь, если осколочная граната ударит в толпу? Брат Бернард, вы считаете, Проклятый готовит восстание? Зачем ему подобные вещи? Раньше все бегал, прятался...

– Главный магистрат предполагает, оружие готовится для того, кого эти типы ожидают на острове. Как плата за определенные услуги, скажем, перевоз самого Иуды или же его детей... Что-то в этом духе. – Бернард щелкнул пальцами, и подбежавший слуга унес его тарелки. – Ко всему прочему, мы не знаем, имеет ли он другое вооружение – вполне вероятно, что да, – так что готовимся к серьезному отпору. Именно по этой причине Пророк и распорядился выделить нам ящик ручных гранат, гаубицу и «мириад»...

Михаил ошарашенно присвистнул:

– А я думал, что «мириад» – плод буйных фантазий кадетов младших курсов! Клянусь моими обожженными усами!..

Мясник резко повернул голову и уставился ему прямо в глаза. Передернуло не только Михаила, но и меня.

– Ты слишком много думаешь для представителя низшего командного звена, не замечал? – Бернард даже не повысил голоса. – Думаю здесь я, брат Карлос и твой командир. А тебе положено лишь в понятной форме доводить наши приказы до личного состава. Или ты подзабыл Устав? Могу напомнить.

Беспрецедентный случай – мой замком покраснел, кашлянул и смог еле слышно выдавить себе под нос только одно:

– Виноват..

Сидевший напротив Михаила Циклоп криво ухмыльнулся, очевидно, находя это забавным.

Бернард Уильямс закончил трапезу, поднялся, отряхнул крошки и уже официальным тоном произнес:

– Отлично. Через полчаса жду вас всех в епископате. Прошу не опаздывать.

И покинул столовую. Брат Вольф последовал его примеру, одарив оставшихся за столом загадочной улыбкой изуродованной Джоконды. Остаток завтрака прошел при полном молчании.

Во дворе тем временем бойцы Первого отряда занимались чисткой от дорожной пыли таинственного «мириада». Конструкция его напоминала спаренный «вулкан» с теми же вместительными коробчатыми емкостями под патроны, системой электрической их подачи и вращающимися блоками стволов, правда, калибр был слегка побольше, чем у Шестистволого. Судя по скупой информации («мириад» считался орудием засекреченным) данный агрегат мог выпускать из двух пушек одновременно свыше полутора сотен снарядов за секунду – скорострельность просто бешеная. Только сейчас ощутил я всю серьезность грядущей операции.

Все еще мрачный Михаил прошелся вокруг, поцокал языком, после чего встал напротив «мириада», скрестив руки на груди.

– Ну, что скажешь? – нарушил я ход его мыслей.

– Выстриги волосы из ушей, брат Хенриксон, – буркнул он. – Ты не в курсе: мне только что запретили шевелить мозгами...

– Да такое просто физически невозможно! – усмехнулся я – обиженный русский чем-то напоминал большого ребенка. – Твои мозги давным-давно скрипят автономно от всего остального. Своего рода хроническое заболевание. Если бы Бернард знал об этом, он наверняка бы посочувствовал.

– Нужно мне его сочувствие как архангелу свисток! Но раз уж ты спросил, что я думаю, то я отвечу: поверь моему чутью – впереди нас ждет великое дерьмо! Карлос и Бернард – «старика», а ты для них салага, потому вся грязная и позорная работа ляжет на наш горб. Кончились, Эрик, беззаботные дни, когда твой Одиннадцатый сверкал серебряными доспехами, гоня всяких мелких выродков. Иуда не головорез, он виноват лишь в том, что позволил сказать Пророку: «Извини, батя, но я задолбался расхлебывать твою кашу и хочу домой!», а того, видите ли, это задело. Так что все, чем мы теперь занимаемся – чистой воды политика и пророческие амбиции. И забудь теперь о своей незапятнанной репутации. Коли работаешь бок о бок с Мясником, будь готов сам запачкать руки по локоть кровью... Как чувствовал, что рано или поздно что-нибудь этакое с нами случится!

– Однако крепко он тебя зацепил, – я постарался придать голосу соболезнующую интонацию.

– Переживу, – пробурчал Михаил, после чего тяжело вздохнул. – Эх, скорее бы в отставку, что ли...

Наш гостеприимный хозяин, епископ Жан-Батист, сделал широкий жест – отдал нам под тактическое совещание свой рабочий кабинет, обставленный на удивление скромно и со вкусом. Брат Вольф расстелил на столе ветхую карту острова Мон-Сен-Мишель, найденную магистром Аврелием в бог весть каких закромах.

Когда я еще находился при отряде Фабио Петрелли, мне довелось побывать там проездом. Наикрасивейшее место! Остров представлял собой коническую скалу, удаленную от нормандского побережья на полтора километра и имеющую в окружности у основания порядка девятисот метров. По легенде, где-то здесь была сокрыта гробница Юлия Цезаря, захороненного в золотом гробу и в золотых сандалиях. Тогда стоявший на морском берегу каменистый холм использовали для ритуальных нужд кельты и друиды, именуя его Могильной горой.

Позже остров облюбовали монахи-отшельники, соорудившие там часовню, а затем местный епископ Обер начал на нем строительство монастыря. Как утверждал сам епископ, идеи о монастыре ему настойчиво подбрасывал не кто-либо из смертных, а непосредственно архангел Михаил, сопровождая сей процесс различными божественными видениями (самым ярким из видений Обер почему-то считал постукивание архангельского пальца ему по лбу). Отсюда и родилось название острова – Мон-Сен-Мишель. Постепенно остров соединила с материком насыпная дамба, тем самым исключив проблему попадания на него той части верующих, которые в силу ряда причин не могли ходить по воде аки по суше.

В течение нескольких веков святые стены возводились, разрушались и снова возводились, являясь жертвами политических интриг тех лет. И вот к середине тринадцатого века вершину скалы наконец оседлали неприступные, выполненные в монументальном романском стиле здания монастыря Ла-Марвей, причудливо сочетаясь с готическими острокопечными башнями центрального строения комплекса – пронзившей зенит своим шпилем

церкви. Бронзовая фигура архангела Михаила венчала шпиль и была видна с огромного расстояния.

Мон-Сен-Мишель переживал подъемы и спады, отбивал штурмы и выдерживал осады, служил тюрьмой при Наполеоне, а незадолго перед Каменным Дождем стал местом паломничества туристов.

Пережил он и Дождь. Приливная волна снесла часть заградительной стены и наиболее приближенные к морю постройки, оставив сам Ла-Марвей в неприкосновенности. Новая эра часто заставляла монастырь менять хозяев благодаря его выгодному стратегическому расположению, пока парижский архиепископ, следуя волеизъявлению Пророка, не организовал там детский приют – дело в высшей степени богоугодное. Однако теперь опять же волею судеб многострадальный остров переродился в боевую цитадель, готовую уничтожить любого, покусившегося на тысячелетние стены...

Магистры заняли принесенные им кресла. Мы же остались стоять вокруг карты – так ее было удобнее рассматривать. Собственно говоря, совещание не было совещанием как таковым: Бернард излагал свои стратегические наработки, а я и Карлос только кивали, запоминая порядок действий.

– Выступаем в полночь, – при этих словах Мясник положил пред нами свой золотой, подаренный самим Пророком, хронометр, дабы мы могли выставить по нему собственные, гораздо более скромные. – Наша скорость зависит от скорости гаубицы, а она невелика. Проклятый тягач, волочивший ее от Ватикана, посадил себе движок под Ле-Маном – хвала Господу, что не раньше! – а потому теперь ей приходится ползать самостоятельно. В половине четвертого – крайний срок! – мы должны быть на месте. Светает сейчас около пяти – самое время для атаки. Исходим из расчета, что противник хорошо вооружен, а потому работаем исключительно осторожно. Не будь вокруг острова этой оборонительной стены, мы бы, конечно, высадились туда с моторных лодок, что на порядок упростило бы нашу задачу, но выбирать не приходится, потому остается лишь дамба. Проникать на объект придется через нее. Гаубица прикрывает нас с берега по правую руку и держит восточный и юго-восточный сектора острова... – карандаш Бернарда принялся чертить на карте тупокопечные стрелы, – ...»мириад« по левую – соответственно запад – юго-запад. Половина моих людей в пути тренировалась в обслуживании этой техники, надеюсь, не подведут. Теперь о неприятном, касательно ваших бойцов, брат Эрик...

Я заметил сощуренный взгляд Михаила: «Что я наемни тебе, командирская морда, говорил!»

– Я понимаю, что все они горят желанием идти на штурм, но оба ваших «самсона» потребуются мне для охраны орудий и тыла. Они будут патрулировать побережье, чтобы какие-нибудь отступники не ударили нам в спину и не уничтожили не только нас на узкой и хорошо простреливаемой дамбе, но и не сожгли из гранатометов бесценную технику. А иначе мне и магистру Аврелию придется отвечать за нее по всей строгости.

Аврелий, сидевший рядом, согласно кивнул, качнув окладистой черной бородой – ну просто древнегреческий стратег Фемистокл, бюст которого украшал холл Афинского магистрата. Лишь огромная родинка на левой щеке магистра нарушала их полное сходство.

Брат Бернард продолжал:

– Экипажи ваших патрулей по пять человек. Бойцов отберете сами. Оставшиеся ваши десять лучших вояк, вместе с вами разумеется, а также восемь моих и Пятый в полном составе образуют ударно-штурмовую группу. Теперь о наших прямых задачах. Как я уже говорил, идем по дамбе. Дамба – наиболее опасный участок, поскольку на ней мы как на ладони для стрелков со стен береговых бастионов и Ла-Марвея. – Бернард обвел на карте по отдельности каждую из башен невысокой, но абсолютно непреодолимой с наскока оборонительной стены вдоль периметра острова. – Поэтому совершаем рывок под прикрытием

«самсонов» и «эмкашек» брата Карлоса, пока не окажемся у острова. Там нам помогут дома рыбаков, плюс ко всему это уже мертвая зона для стрелков из монастыря. Вы что-то хотели сказать, брат Карлос?

– Прошу разрешения вас перебить, брат Бернард, – испанец чувствовал себя слегка неуверенно, – но одна моя пушка издохла и на нее нельзя рассчитывать.

– Та-а-ак, беспорядок... – Бернард выпрямился и постучал карандашом по ладони. – Брат Карлос, ну вы же опытный Охотник! Надо было почаще контролировать тех, кто обязан следить за ее состоянием, чистить, смазывать... Что прикажете теперь предпринять?

К чести Карлоса Гонсалеса, он воспринял критику так, как и подобает представителю гордого народа: губы сжаты, осанка величественна, взор холоден... Но нетрудно было догадаться, какие страсти кипят сейчас внутри у темпераментного сарагосца.

Лицо Циклопа вновь скривила ухмылка – похоже, он боготворил своего командира в такие моменты. Михайловы усы тоже поползли вверх – ведь приятно осознавать, что не на тебя одного валятся все шишки.

– Брат Бернард, – вступился я не столько за Матадора, сколько за своих незаслуженно выставленных в арьергард бойцов, – разрешите моему «самсону» заменить «самсон» брата Карлоса?

– Отставить, брат Эрик, – отрезал Мясник. – Ослаблять тылы я не стану ни при каких условиях. Поступим так: брат Карлос, демонтируйте оружие и возьмите дополнительный ручник у моего пулеметчика, он все равно задействован на гаубице. Думаю, что одной «эмкашки» и трех ручных пулеметов должно хватить для прорыва. Я разгрузю свой «самсон» и тоже прихвачу его с нами – дополнительная броня не мешает. Поставим пулеметчиков в кузова и пусть работают с колес... Да, уверен: этого хватит. Тем более с нашими калибрами огневой поддержки. И, брат Карлос, поторопитесь со снятием вашей поломанной пушки; монстромобиль должен быть полностью готов. Так что не обессудьте – я хотел дать отбой до одиннадцати, но к вам теперь это не относится...

Карлос без промедления указал своему замку Марчелло на дверь, и тот убежал доводить приказ главнокомандующего до личного состава Пятого отряда.

– На остров проникаем через Королевский вход в оборонительной стене, – вернулся к основной теме брат Бернард. – Войдем, как говорится, по-королевски, – он попытался состричь, но никто не оценил, кроме молча ощерившегося брата Вольфа. – Поднимаемся по главной улице до ворот монастыря. Если ублюдки засядут в домах рыбаков, вышибаем их оттуда. На этом этапе пленных разрешаю не брать – все основные фигуры, я уверен, будут скрываться за стенами Ла-Марвея. Закрепляемся возле ворот и ждем подхода двенадцати моих бойцов с оружием прикрытия. Ваши, брат Эрик, само собой, продолжают патрулирование. Затем вышибаем ворота «эмкашкой» и приступаем к зачистке. Кстати, заместителям командиров: получить у брата Вольфа для своих отрядов ручные гранаты из расчета две единицы в одни руки.

– Брат Бернард, – поднял ладонь магистр Аврелий, – заострите внимание на последующих, оговоренных нами, деталях.

– Разумеется, ваша честь... Внутри Ла-Марвея и церкви действуем десятью группами по пять человек. Чистим все: от подвала до каморки под шпилем колокольни. И вот здесь самое основное! – Бернард сделал паузу, обязанную подчеркнуть важность следующей информации. – Отступников стараемся брать только живыми! Пророк лично пообещал щедрую награду тому Охотнику, который спеленает Иуду.

В глазах моего замка появился неподдельный интерес. «Какую награду? Ну скажите, мистер Уильямс, я все прощу!» – умолял взгляд Михаила, но рот благоразумно оставался закрытым – горький опыт, знаете ли... Бернард остался глух к его пантомиме и не стал особо останавливаться на этом вопросе.

– Порядок операции ясен? – Глаза Мясника по очереди задержались на каждом из окружающих карту. – А теперь вопросы.

– Как вы считаете, кого они ждут? – спросил я нашего главнокомандующего, поскольку на данную тему он еще не высказывался. Но ответил не Бернард, а фемистоклоподобный Аврелий:

– Точно неизвестно, брат Эрик, однако и Скандинавия, и Россия очень хотели бы получить этот неиссякаемый источник секретов Святой Европы. Понятное дело, флот они не пошлют, но то количество оружия, которое, вероятно, скопилось сейчас под крышами Ла-Марвея, может послужить хорошей приманкой любому корсару, согласившемуся переправить Проклятого на север или восток.

– Спасибо, ваша честь. – Я лишь получил от Аврелия подтверждение своим догадкам. – Разрешите тогда еще вопрос: у нас намечается поддержка с моря на тот случай, если отступник надумает скрыться на лодке?

Бернард кивнул.

– Добровольцы Креста из Авранша перекроют сегодня ночью все подступы к острову от залива Сен-Мало. Даже если предположить невероятное – что Проклятый Иуда прорвется через них, – от гаубицы он далеко не уйдет. Жаль, что тогда придется его уничтожить, но это на самый крайний случай. Ну а теперь что касается общей связи, координации действий и распорядка сегодняшнего дня...

Возле трейлера-казармы ко мне подошел магистр Виссарион. Лицо его выражало нешуточную озабоченность.

– Брат Эрик, вы не видели моего Джерома? Со вчерашнего вечера от него ни слуху ни духу...

– Нет, ваша честь, – солгал я, – не видел. Может быть, он на хоздворе стирает свой балахон? Сами знаете, он у него не маленький.

Виссарион кисло улыбнулся шутке.

– Запер трейлер и пропал. А там печать, документы... Раньше за ним такого не замечалось.

Магистр потоптался немного рядом со мной и побрел назад в епископат, где кагор, к его глубокому сожалению, подавали только к еде, а не вместо воды, как он привык.

Брат Михаил собрал моих вояк перед «самсонами». Разрешив братьям не строиться, я подробно обрисовал им план операции, уже предчувствуя общее недовольство. Так и вышло.

Добровольцев в патрули, естественно, не нашлось, потому пришлось невежливо показывать пальцем на десятерых ворчащих бойцов, загодя почуввавших нутром свою участь. Громче всех неистовствовали ветераны Дмитрий и Вацлав, которых я – самый несправедливый командир за всю историю Корпуса – сделал старшими экипажей.

Пока я выслушивал их брюзжание, Михаил отоварился у Циклопа ручными гранатами, которые принес в холщовом мешке, словно картошку.

– Подходи, разбирай, – объявил русский и раздал в протянутые руки стальные рифленные картофелины.

Ящички из «самсона» Мясника преподнесли нам еще один сюрприз – компактные рации на аккумуляторных батареях, действующие в коротковолновом диапазоне и выдаваемые братом Вольфом по штуке на каждую пятерку бойцов. Подарок Апостола Связи Инквизиционному корпусу пришелся как никогда кстати. Распределив и их, Михаил погрозил кулаком брату Гюнтеру, пытавшемуся неуклюжим пальцем сковырнуть микроскопический тумблер:

– Поаккуратней, малыш! Не сломай погремушку! Клянусь обожженными усами, одноглазому дяде это не понравится.

Гюнтер, еще со времен Новой Праги не испытывавший к Михаилу особой симпатии (габариты и немногословие германца постоянно служили русскому поводом для шуток), смерил того презрительным взглядом, но попыток не прекратил. Наконец прибор коротко пискнул и включился.

– Знаешь, человек-домкрат, – проговорил Михаил, явно нарываясь на очередную порцию молчаливого презрения великана, – пока ты надумашь, что пробурчать в эту говорилку, у нее батарея успеет сесть...

Дав по распоряжению Бернарда всем отбой до одиннадцати, я наказал патрульным в последний раз проверить механику «вулканов», а сам побрел к себе в отсек. Восемь моих штурмовиков – Гюнтер, Ральф, Фернандо, Матиас, Януш, Саймон и мотоциклисты-загонщики Ярво и Самми, которые по задумке главнокомандующего должны были осуществлять курьерскую связь между нами и оцеплением из не имевших раций Добровольцев Креста, – подались следом за мной выполнять самый любимый приказ Братства – спать.

Прежде чем вкарабкаться в отсек, я сочувственно посмотрел на суетившихся вокруг своего «самсона» бойцов Пятого – те демонтировали подпортившую репутацию их командира злосчастную «МК-5».

Только расслабился, закрывая глаза, как скрипнула дверь, продемонстрировав в проеме усатую физиономию Михаила.

– Не спится? – Он втиснулся весь, откинул складное сиденье и устало плюхнулся на него. – Есть одно проверенное средство от бессонницы...

– Ты когда научишься стучать в дверь? – Я снова закрыл глаза, стараясь игнорировать докучливого посетителя, хотя прекрасно знал, что это тщетно.

– Зачем стучать, раз все равно не спишь? – недоуменно поднял брови Михаил, после чего зажег примус и поставил чайник на огонь. – К тому же, сколько тебя помню, ты всегда был рад моему приходу.

Я молчал, показывая, что не желаю вступать в беседу, однако намеков Михаил не понимал категорически.

– Значит, прикрываем задницы Первому? – Он ополоснул стакан и выплеснул воду через приоткрытое окно, даже не выглянув, есть ли кто снаружи или нет.

– Значит, прикрываем, – лениво проговорил я.

– Я как всегда прав!

– Ты как всегда прав!

– Дмитрий настоятельно просил покапать тебе на мозги. Он считает, что их с Вацлавом место...

– Да плевать мне, что он считает! – Сегодня точка моего кипения оказалась ниже, чем у сипящего на примусе чайника. Впрочем, ничего удивительного – просто мне давно осточертело расшаркиваться перед каждым по поводу собственных приказов. – Его место там, куда я его определил, и пора бы уже усвоить – я не меняю своих решений! А иначе какой из меня к чертовой матери командир? Я не сестра Услады Духа, чтобы потакать всем подряд! – И, выплеснув накопившиеся эмоции, более миролюбиво добавил: – Я доверяю им подобную работу не потому, что не уважаю, а, наоборот – потому, что они из лучших. Пропустим гранатометчика-диверсанта, Мясник нас самих на котлеты порубит и Циклопу скормит...

– Примерно так я Дмитрию и ответил, – несколько не придав значения моему негодованию, проговорил Михаил. Он открыл шкафчик, извлек оттуда пачку травяного чая и сунул в нее нос. – Предупреждаю – заварка кончается! Надо будет позаимствовать на кухне пачку другую, а то зайдешь к тебе на огонек и угоститься нечем... Кстати, слышал – Джером пропал?

– В курсе. Он на спецзадании. Сочетает полезное с приятным.

– Значит, это его довольную рожу я засек в окне епископского дома. Решил – почудилось, ан нет! Закадрил какую-нибудь дьяконшу?

– Бери выше.

– Куда уж для него выше? А... О-о-о-о! Матерь Божия! Ты серьезно? Да ведь если просечет епископ, Виссарион лично дьякону причиндалы клещами оттяпает!..

Вскипел чайник. Волей-неволей пришлось поддерживать навязанную замкомом процедуру чаепития.

– Как считаешь, какое из моих желаний исполнит Пророк, когда великий Охотник Михаил принесет ему на блюде голову Проклятого Иуды? – Очевидно, этот вопрос и мешал беспокойному русскому уснуть.

– Заметь: живую и говорящую голову. За мертвую, пожалуй, есть шанс потерять и свою, – я отхлебнул ароматного кипятка. – Ну... наверное, запрет тебя на недельку у сестер в личном гареме или подарит позолоченный «АКМ» с бриллиантовой мушкой и прикладом из ценных пород дерева взамен твоей троекратно пережившей срок службы реликвии.

– Не наезжай на «земляка», поклонник маломощных пукалок! Он еще нас с тобой переживет... А гарем Пророка я видел – ничего особенного, обыкновенные гримзы вчерашней свежести. А, чуть не забыл: на-ка получи, а то нашел себе оруженосца...

Михаил извлек из кармана плаща пять циклоповских гранат, две передал мне, а остальные выстроил на поверхности стола.

– Вот те раз! – я недоуменно посмотрел вверх них в бессовестные глаза своего заместителя. – По-братски, называется! Опять Гюнтера обделил?

– Никого не обделял, – успокоил меня Михаил. – Сие есть компенсация от Бернарда за моральный ущерб моей кристально чистой репутации!

– Что-то подсказывает мне, что Мясник об этом не знает!

– Но если бы знал, то наверняка ничего против не имел бы!

– Конечно, ворочается сейчас, не может уснуть! Совесть замучила – незаслуженно обидел хорошего человека! – проворчал я. – Ну а если серьезно?

– А если серьезно, то Циклоп он и есть Циклоп! Пока каждую нашу гранату пальцем ткнул, типа пересчитал; пока лысину почесал, типа подумал; потом все заново... Педант полный, а то и похлеще... И вот занимается он, короче, этим своим педантизмом, сопит, а я в это время шасть к ящику да одну штучку чисто автоматически и скомпенсировал...

– Нет, вы посмотрите на него – какой молодец! – Я так и знал, что Михаил подстроит Бернарду какую-нибудь пакость – необидчивость русского тоже имела свои пределы.

– Молодец – не молодец, а на душе полегчало. А вот пускай теперь оба понервничают, пускай Циклоп Бернарду доложит, что накладные не совпадают, пускай Мясник наорет на него как следует. А то ишь ты – я краснею, потею, всякие гадости в свой адрес выслушиваю! За какие такие заслуги, спрашивается? Зато теперь как по Писанию: «...Оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятю».

– Весьма своеобразная трактовка Ветхого Завета, – заметил я. – Жаль, Виссарион не слышит, а то бы он со своим обещанным рапортом о богохульстве не канителился. А что ты змей библейский, я понял еще в Новой Праге.

– Что есть, то есть, – согласился Михаил. – А веришь, нет: те мои предки, что из России, действительно яблоками на базаре торговали! Ну ладно, пойду-ка я выброшу эту заразу в выгребную яму; не дай Бог найдут, и получим мы с тобой по длинному-длинному отпуску на африканское побережье. Ну я-то выживу, мне с арабами спеться, что шнурки завязать, а вот тебя жалко – пропадешь ведь без книжек своих...

Михаил допил чай, пожелал мне приятных сновидений («Да узри во сне отряд сестер Услады Духа, сын мой...») и вышел, громыхнув железной дверью.

Проворочавшись некоторое время, я все же задремал. Во сне мерещилась всякая чушь: Виссарион и Жан-Батист, благословляющие брак Джерома и епископской дочери; Циклоп, в поисках утерянной гранаты трясущий дико хохочущего Михаила за ноги; Конрад, гонящий на «самсоне» по отмелям близ Мон-Сен-Мишеля Бернарда Уильямса, причем Мясник умолял меня помочь ему, крича во все горло: «Ну что же ты, брат Эрик, Стрелок, мать твою! Вставай, останови гада, продырявь ему плешивую башку! Вставай, ну, кому говорю, вставай!»

– ...Брат Эрик, вставайте! Пора, время уже! – Брат Энрико, казалось, вот-вот расплещется.

– Отставить трясти брата Эрика, брат Энрико! – позади него вновь нарисовалась фигура вечного моего проклятия – брата Михаила. – Задание выполнено! Корпус вами доволен! Я считаю до трех, и вас здесь больше не наблюдается! Раз!..

Шустрый малый поспешно метнулся к двери и выскочил наружу, напоследок споткнувшись о порог и чуть не загремев с подножки трейлера.

– Глянь-ка! Ручаюсь – такого ты еще не видел! – Михаил указал пальцем на что-то сквозь поцарапанное трейлерное окно.

Снаружи уже стемнело, и двор епископата был освещен тусклыми электрофонарями. В воздухе витал сизый дым прогревающихся моторов; повсеместно суетились занятые последними приготовлениями бойцы трех отрядов.

Возле запертой дьяконом двери виссарионовского фургона нервно пританцовывал сам магистр, и по движениям его губ становилось понятно, что декламирует он отнюдь не Псалтырь. Божественный Судья-Экзекутор выглядел жалким и потрепанным даже несмотря на те сутки, что он провел в комфорте гостевых залов епископата.

– Бедняга! «...Стою перед закрытой дверью и молвлю любимой: открой!» – пропел начисто лишенный музыкального слуха русский. – Ну ладно, пойдем перекусим. Бернард объявил построение через час.

Стараясь не улыбаться, мы прошли мимо стервенеющего магистра на последний для нашего отряда реннский ужин.

6

«Я тоже отправляюсь в море! Я отправляюсь в море на шхуне с боцманом, играющим на дудке, с матросами, которые носят косички и поют песни! Я отправляюсь в море, я поплыву к неведомому острову искать зарытые в землю сокровища!»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Шестьдесят форменных плащей наполнили двор епископата бликующей под лучами фонарей черной движущейся массой, сразу сделав тот тесным и неудобным.

– Становись! – перекрыл общий шум голос Мясника.

– Становись! – продублировали команду Вольф, Карлос и я.

Братья засуетились и выстроились по отрядам.

По правую руку от брата Бернарда стояли наши магистры: коренастый бородач Аврелий, толстенький коротышка Конрад и крысopodobный Виссарийон, из свирепости взгляда которого можно было сделать вывод о том, что дьякон его все еще пребывал в самовольной отлучке. Чуть позади, возле самой стены, скромно притулился епископ Жан-Батист, очевидно, в глубине своей необъятной души радующийся тому факту, что эта беспокойная орава проваливает наконец восвояси.

Выдержав, как и подобает, паузу, Бернард произнес хрестоматийно-короткую, однако обязанную воодушевить нас на богоугодное дело речь.

– Братья-Охотники! Воины Всевышнего! Опора великого ордена Инквизиции Святой Европы! – Мясник неспешно обвел взглядом замершие перед ним шеренги бойцов. – Сегодня как никогда все мысли Пророка направлены на вас, на единственную его надежду в борьбе с мерзким порождением Преисподней – гнуснейшим изменником и богохульником Проклятым Иудой! Пять дней назад, принимая меня и магистра Аврелия в своей обители, Его Наисвятейшество не скрывал слез, благословляя нас на эту святую миссию! – Бернард наверняка не преувеличивал – Пророки во все времена были великолепными артистами и могли пустить слезу ради усугубления драматизма. – Миссию, предназначенную вернуть в истинную Веру эту заблудшую черную душу! Ведь принадлежит она не Иуде, принадлежит она тому, кто создал ее – Всевышнему! А он упоает на верных сыновей своих – на нас с вами! Так вырвем же из когтей Сатаны, – Мясник плавно повысил голос, доведя его до крика, – то, что ему не принадлежит! Вернем на путь праведный тех, кто еще не уничтожил в себе зерна великой Веры – им всегда будет дан шанс на искупление! Ну, а тех, чьи души потеряны безвозвратно, покараем! Такова воля Пророка, а значит, такова воля Бога! И да пребудет на вас его высочайшее благословение! За дело!

Ропот одобрения прошел по шеренгам. Верил сам Бернард в то, что сейчас говорил, или нет – неизвестно, но братьев пламенный призыв легендарного командира завел. Даже мои мрачные от перспективы остаться в стороне патрульные и те приободрились, расправив поникшие плечи.

Карлос и Вольф вышли перед строем своих бойцов и начали отдавать последние инструкции. Я сделал то же самое.

– Всем понятен приказ? Повторяю: головной «самсон» следует за замыкающим Пятого, остальные согласно походному порядку! По машинам – разойдись!

Бойцы разошлись каждый на положенное ему место. Мы с Михаилом направились к нашему «хантеру», но прежде чем включить зажигание, Михаил указал мне на крадущуюся к фургону Виссарийона массивную тень, без сомнения принадлежавшую беглому дьякону Джерому.

– Вернулось блудное дитя! – проговорил Михаил. – Однако не уверен, что наш магистр радостно обнимет его и закатит по этому поводу пирушку. Бедный толстяк, лучше бы вообще не возвращался...

Едва различимые проселки, петляя в свете фар, вели нашу колонну на север к нормандскому побережью. Гаубица делала чуть более тридцати километров в час, разрывая ночь лязгом стальных траков. Когда до цели оставалась четверть пути, наша рация издала слабый писк и голосом Бернарда приказала остановиться. Мы повиновались.

Я и Карлос подошли к машине главнокомандующего. Бернард уже ждал нас снаружи, прохаживаясь взад-вперед и разминая затекшую поясницу.

– Дальше идти с фарами опасно – засекут, – Мясник поглядел в сторону едва-едва порозовевшего востока. – Дождемся более сносной видимости. Время позволяет, да и гаубице остыть надо. Брат Эрик, вы на «хантере» поезжайте вперед, только выставьте затемнители. Через полтора-два десятка километров вас должны встретить Добровольцы, которые с вечера обязаны были перекрыть периметр. Их старшина ждет нашу группу. Узнайте обстановку и доложите мне по рации.

Я прихватил с собой помимо Михаила также Гюнтера и Януша, заставив их смотреть по сторонам с заднего сиденья джипа. Объехав колонну справа, мы ринулись в предрассветные сумерки.

– Гюнтер, я видел, как перед построением ты разговаривал с братом Вольфом, – Михаил, успевая следить за дорогой, развернулся вполборота к германцу. – Что-то твой бывший командир не больно весел. Уж не приболел ли случаем?

– Брат Бернард... устроил ему нагоняй, – ответил Гюнтер в своей обычной манере, задумчиво и нехотя, при этом не сводя взгляда с правой обочины. – Недостача одной гранаты. Говорит, что... в Ватикане сам несколько раз все пересчитал. Прямо мистика... какая-то.

Усагая мистика посмотрела на меня и довольно ослабилась:

– Да-а-а, трагедия. И что ему светит?

– Месяц карцера... по приезде в Ватикан.

– Глупо, – продолжая улыбаться, заметил Михаил. – Будь на его месте я, то наверняка не спалился бы так по-детски. Что от Вольфа требовалось, так это просто доложить как на бумаге...

Гюнтер оторвался от окна:

– Соврать командиру... что ли?

– Это ты, человек-домкрат, врешь, а я лишь кое-чего не договариваю. Усвой раз и навсегда!

– Когда это я врал? – возмутился германец. – Если у тебя есть... доказательство, то предъяви... хоть одно!

– А-а-а, забудь! – нервно отмахнулся Михаил. – Я не про то!.. В общем, доложил бы так, а после заварухи никто и не вспомнит, было одним бабахом больше или меньше. И никто не идет в карцер, и все довольны... Элементарно!

– Все равно, – не унимался Гюнтер, – это грубое нарушение Устава!

– Тихо вы! Тормози! – Я внезапно увидел в бледном свете затемненных фар три выросшие как из-под земли фигуры в угловатых фуражках Добровольцев Креста. Все они держали нас на прицеле дробовиков. Михаил тут же ударил по тормозам, дождался, пока «хантер» замрет, и выключил зажигание.

Я открыл дверцу. Дробовики продолжали смотреть дулами в нашем направлении. Один из целившихся поднял руку и отчетливо произнес:

– Я старшина авраншских Добровольцев Креста Этьен Френе! Назовите себя!

– Я Эрик Хенриксон, командир Одиннадцатого отряда Инквизиционного корпуса. Еду на встречу с вами! – Я вышел из машины и продемонстрировал, что у меня нет оружия. Дробовики опустились.

– Извините, брат Эрик, – старшина подошел поближе. – Темно, сами понимаете...

Я протянул ему руку. Этьен аккуратно пожал ее.

– Вы одни? – спросил он.

– Основные силы на подходе. Доложите обстановку.

Задняя дверца «хантера» распахнулась, и наружу выбрался крупногабаритный брат Гюнтер, державший в руке свой помповый «бенелли». Старшина Добровольцев смерил коротко стриженного амбала почтительным взглядом и принялся сбивчиво тараторить:

– Ничего нового, брат Эрик. Вчера несколько «гостей» из монастыря прошлись по берегу, но вернулись. Наши ребята с лодок постоянно наблюдают какие-то подозрительные блики на колокольне церкви – очевидно, оттуда следят за морем в бинокль или подзорную трубу.

«Или прицел гранатомета», – мрачно подумал я.

– В начале дамбы трое под видом рыбаков жгут костер. Наверняка наблюдатели – наших-то местных мы почти всех знаем, а эти и на рыбаков не похожи. Что еще?..

– Достаточно, – прервал его я. – Что в монастыре?

– В монастырь, брат Эрик, никого не пускают, даже торговцев. Выходят, рассчитываются, берут продукты и снова ворота на запор.

– Чем объясняют?

– Дескать, карантин. Дети болеют. А мы у нашего доктора спросили, к нему никто и не обращался, только рыбак из Мон-Сен-Мишеля с простудой. Сразу понятно, что нечисто тут!

– Отлично, – кивнул я и вдруг почувствовал лицом свежий морской ветерок. – А далеко до побережья?

– Да сразу за тем холмом. Метров пятьсот...

Я велел Михаилу связаться с Бернардом, а сам, захватив Гюнтера, поднялся на вершину поросшего низким кустарником берегового холма. Чтобы не засветиться, мы легли на траву и осмотрели место предстоящего боя.

Монументальная громада Ла-Марвея, словно шапка, надетая на скалистую макушку острова, была уже довольно четко различима в утренних сумерках. И хоть я видел его во второй раз, Ла-Марвей все равно потряс меня своим величием и чистотой архитектурных линий. Его гигантские стены, карнизы и башни, а также монолитные бастионы оборонительного периметра казались абсолютно неприступными. Кое-где окна монастыря испускали тусклое свечение. Слишком много людей бодрствует в детском приюте в этот предрасветный час – это о чем-то говорит...

Рядом опустился на траву старшина.

– Посмотрите, брат Эрик: вот они, у дамбы, – он указал на тлеющие угли костра, возле которых дремал, уронив голову на грудь, человек. Рядом с ним стояла вытасенная на берег лодка, в которой на свернутых сетях спали еще двое. – Видите, брат Эрик: сети совершенно сухие. Какие они к чертям собачьим... виноват... рыбаки?

– Так или нет, но рыбачить здесь сегодня точно никому не придется, – заметил я, а затем отполз назад и стал спускаться по склону обратно к джипу. Гюнтер последовал за мной, оставив Добровольцев продолжать наблюдение.

Михаил стоял возле «хантера» с «земляком» наготове.

– Колонна движется сюда, – доложил он. – Через пятнадцать минут обещали быть.

Прибыли они немного позже. Берnard, выпрыгнув из машины, начал с места в карьер:

– Командиры и замкомы ко мне!

Мы подбежали к нему – ходить пешком в данный момент ни один бы не рискнул.

– Гаубица и «мириад» – на позиции! Брат Эрик – патрули на территорию! Брат Карлос – «самсоны»-штурмовики на линию! Пятый отряд и все остальные – строиться за ними! Брат Эрик!

Я, уже было метнувшийся выполнять приказание, остановился.

– Передайте своим патрулям, чтобы удвоили... нет – утроили бдительность! И пусть присматривают за магистрами! Выполняйте!

Три магистерских трейлера и три трейлера-казармы встали в ряд на площадке у подножия самого крупного в округе холма. Пробегая мимо них, я заметил вышедшего на охранение Джерома и двух других секретарей-эксекutorsов. Проштрафившийся дьякон держался особняком ото всех и прижимал к левому глазу холодный ствол дробовика, пытаясь предотвратить разрастание заметного даже в утренних сумерках лилово-багрового синяка. «Что ж, легко отделался, верный ординарец», – подумал я.

Вскоре всеобщую суету сменило напряженное затишье. Мы выстроились в колонну по двое за каждым из трех «самсонов». Пулеметчики в кузовах разматывали пулеметные ленты. Мои временно переведенные Мясником в курьеры Ярво и Самми, вместе с незаведенными «иерихондами», пристроились к самому хвосту боевого порядка. Эти небритые черти приторочили к седлам байков скорострельные «скорпионы» и невероятных очертаний кавалеристские сабли, предпочитая быть во всеоружии на тот случай, если и им вдруг предстоит столкнуться с противником.

Братья внимательно наблюдали, как «АС-90» и грузовик с «мириадом» взбирались на отделявший нас от моря холм. Я тоже не сводил взгляд с этой картины, сжимая в ладони рукоять взятого у брата Ганса, стрелка одного из «вулканов», пистолета-пулемета «хеклер-кох МП».

– Готовы? – обратился брат Бернард к водителям монстромобилей. Те подтвердили. – Тогда вперед!..

...Первые лучи восходящего солнца озарили залив Сен-Мало, обещая приятный погожий денек. Легкие волны разбивались о скалы Мон-Сен-Мишеля, лизали каменистые бока связывающей берег и остров дамбы и с шуршанием набегали на прибрежный песок. Обитель покоя и безмятежности...

Человек, дремавший у погасшего костра на выходе из дамбы, проснулся и поднял голову – чуждый шум нарушал царившую окрест идиллию. За спиной у него творилось нечто странное.

Человек оглянулся и уставился спросонок на разбудившее его стальное чудовище с вытянутым вперед длинным носом. Оно скребло гусеницами в трехстах шагах к востоку от дамбы и со свистом вращалось вокруг собственной оси, утаптывая для себя ровную площадку.

Но раздумья наблюдателя продлились недолго. Забыв о спящих товарищах, уже через секунду он сломя голову несся по дамбе и во все горло орал:

– Они здесь! Они здесь!.. Тревога! Охотники здесь!

7

«– Иди же, мой друг, – продолжал капитан, – не заставляй нас терять время даром. Каждая секунда промедления грозит смертью и мне, и этим джентльменам».

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Тяжелая пуля «гепарда» ударила бегущего человека в спину, перебив ему позвоночник и разворотив грудную клетку. Сделав по инерции еще несколько шагов, тот упал, прокатился по камням и, замерев, растянулся на дороге. Так кто-то из моих патрульных снайперов пустил первую кровь сегодняшнего, ставшего очень длинным для всех нас дня.

Спавшие в лодке два других наблюдателя успели-таки проснуться и повыхватывать из-под свернутых сетей дробовики, но и они были изрешечены огнем моей патрульной команды.

Все пока шло по плану. Гаубица и зверская спаренная пушка «мириад» заняли позиции с востока и запада дамбы, развернув свои стволы по направлению к Мон-Сен-Мишелю. Патрульные «самсоны» принялись прочесывать прилегающую к побережью заросшую травой и кустарником территорию. Настал наш черед.

– Подержи-ка, – я передал берет Михаилу, когда мы поднимались на прибрежный холм. Восемь моих головорезов снова пронаблюдали, как их командир, оставаясь верным традиции, сооружает у себя на голове из косматой гривы практичный «конский хвост».

«Самсоны», спускаясь с холма к дамбе, прибавили скорости, и мы припустили за ними легкой трусцой. Мясник отбежал вбок, поднес к глазам висевший на шее бинокль и, водя им то вправо, то влево, осмотрел объект атаки.

– Суется, гады, – сообщил он, вернувшись в строй. – Окна пооткрывали, бегают... А у Королевского входа вообще что-то исключительно поганое происходит...

И невооруженным глазом было заметно, как по окаймлявшей остров стене оборонительного периметра с приземистыми башнями снуют люди, перенося на себе что-то громоздкое. Округлые, выступающие вперед бастионные башенки, как я помнил из карты Бернарда, имели каждая определенное название. Ближайшие к дамбе – Габриэля, Аркадия, Свободы и Бассе – готовились сейчас использоваться по прямому назначению, а именно: отбивать натиск супостатов в лице наших персон.

Три «самсона» один за другим въехали на неширокую дамбу и, прикрывая идущих быстрым шагом братьев, ринулись вперед. Бернард, маячивший сбоку от меня, проорал в рацию:

– Гаубица, «мириад», внимание! Боевая готовность! Цель – башни ограждения! Повторяю – башни ограждения! Огонь по моей команде! Как поняли? Прием!

Сквозь треск помех голоса старших групп прикрытия подтвердили готовность. Мясник отключил рацию, сунул ее в карман плаща и, улыбаясь по-дружески, но сдержанно, приблизился ко мне. Михаил, продолжавший питать к главнокомандующему вполне обоснованную неприязнь, как бы ненароком поотстал.

– Брат Эрик, мы с вами еще толком незнакомы, – заговорил брат Бернард, а сам при этом не сводил глаз с приближавшегося острова. – Но ваши старшие коллеги – те, которые знают вас чуть получше, – утверждают, что вы один из самых перспективных молодых командиров Братства: достаточно хитры, мыслите нестандартно и в какой-то степени можете предсказывать развитие ситуации. Что ж, когда-то и я был таким...

Бернард Уильямс получил должность командира отряда в двадцать два года (я – в двадцать четыре). Напористый, бескомпромиссный и безусловно талантливый Охотник, он уже

при жизни успел попасть на страницы кадетских учебников. Признаю, мне польстила его осведомленность об обыкновенном командире обыкновенного отряда из второго десятка.

– Жаль, что в Новой Праге мы с вами так прискорбно разминулись, – продолжал главнокомандующий. – Ведь если говорить начистоту – но только это между нами! – магистр Жерар был просто-напросто тупым амбициозным кретином: подставил вас, угробил себя и людей, опозорил Корпус... К счастью, мы были недалеко и вовремя успели предотвратить дальнейшую эскалацию конфликта. Надеюсь, вы согласитесь, что там я не мог поступить иначе?

– Вы поступили именно так, как того требовала обстановка, брат Бернард, – ответил я, хотя это и не соответствовало моему настоящему мнению. – Еретики получили то, на что напросились.

– Рад, что вы понимаете меня, – удовлетворенно кивнул Мясник. – Кстати, как вы посмотрите на то, чтобы поработать со мной при зачистке в одной пятерке?

Что, интересно, я мог сказать? Ну не «нет, извините» же в самом деле?

– Вот и отлично, – проговорил брат Бернард, услышав мое «буду весьма польщен». – Вы, я, брат Вольф и двое ваших людей на выбор почистим кое-какие закоулки этого рассадника ереси и богохульства.

Бернард отошел на другой фланг колонны, и Михаил снова догнал меня. Любопытство из него так и перло:

– Ну, и о чем поболтал с самим Сатаной?

– Тебя это обрадует. Он и Циклоп работают с нами в одной группе внутри монастыря.

– Не шути с этим...

– Даже и не думал. А что-то не так?

– Все теперь не так... – Кончики усов брата Михаила дернулись и печально повисли. – В общем, огромное тебе, батенька, человеческое спасибо! Только соберешься разгуляться на широкую ногу, как на тебе! Почему из сорока человек Первого и Пятого именно они?

– Не желаешь в нашу компанию – поменяйся вон... с Саймоном, – игнорируя недовольство русского, ответил я. – Короче, уважаемый, даю тебе право на выбор в приказном порядке.

– Ну уж дудки! Да чтобы величайший ловец проклятых иуд в истории цивилизации брат Михаил испугался и убежал от каких-то... – он понизил голос и воровато огляделся, убедившись, что эти самые «какие-то» находятся вне предела его слышимости, – ...занюханых мясников и циклопов? Не дождетесь, любезнейший, как сказал бы Конрад. Я не за тем сюда...

По перепонкам ударил глухой тяжелый грохот. Все инстинктивно присели, озираясь по сторонам. Что-то мелькнуло над нашими головами, и в сотне метров слева из воды поднялся веерообразный, рассыпавшийся радужными брызгами, фонтан.

– Мне говорили, – Михаил напряженно созерцал концентрические круги, оставшиеся от приводнения гранатометной болванки, – что они должны славно детонировать, а я вижу лишь простой плюх.

– Либо не сработала, либо не сорвали предохранитель запала. – У меня затрепетало сердце. Бернард оказался прав – Иуда готов был сопротивляться словно крыса, угодившая в ловушку. Зная, что скоро сапог крысолова выдавит ей кишки, крыса верещала и бросалась на него с яростью отчаяния.

– Кто засек, откуда били? – Бернард в ярости оглядел бойцов. – Кто, я вас спрашиваю?

– Оттуда, брат Бернард! – Мой пулеметчик Ральф, сидевший в кузове идущего вторым «самсона», указывал на угловую башню справа от дамбы. – Это прилетело оттуда!

– Молодец, Охотник! – похвалил его Мясник и поднес ко рту рацию. – Гаубица, внимание! Цель – башня Свободы! Огонь!

Шарахнуло так, что дрогнул бутовый камень дамбы под нашими ногами и, хотя возможно мне и почудилось, качнулся шпиль церкви Ла-Марвея. Вокруг гаубицы поднялись тучи песчаной пыли. А я-то гадал, зачем бойцы из команд огневой поддержки плавил в дворе реннского епископата свечной воск в пустой консервной банке! Небось позалепили сейчас им уши до самого мозга, чтобы не одуреть от грохота...

Снаряд просвистел гораздо выше башни Свободы и ударил в скалу у подножия стен монастыря. Взрывом выщербило множество каменной крошки и осколков, которые плотным серым облаком взлетели над домами рыбаков, после чего, падая вниз, градом застучали по черепичным крышам. С острова слышались испуганные крики.

Снова ухнул гранатомет, но теперь огрызалась башня перед дамбой – если мне не изменяла память, башня Аркадия. Граната прошла почти впритирку с крышами кабин монстромобилей и врезалась в землю за нами. Все снова сжалось, однако разрыва опять не произошло. Болванка, вспахав грунт, отрикошетила по направлению к берегу. Неосведомленность врага об устройстве взрывателя гранаты вызывала недоумение, но успокаивала слабо, так как и в качестве простого метательного снаряда граната была отнюдь не безобидна.

– Эй там, на «эмкашке»! Подавить очаг сопротивления на двенадцать часов! – Похоже, Бернарда начинали раздражать наглые укусы противника. – Гаубица, почему я еще наблюдаю башню Свободы? Стереть ее немедленно или я вас сам...

«АС-90» тряхнула воздух повторно, а потом загрохотали стволы «МК-5», усыпая потоками стрелянных гильз пол кузова переднего «самсона».

Гигантский столб воды, втрое превышающий по высоте угловую башню, вырвался из моря у ее основания и опустился обратно, наверняка окатив солеными брызгами засевших там отступников. И снова чреватый гневом главнокомандующего досадный промах, на этот раз не долет!

«Эмкашке» повезло больше. Град сорокамиллиметровых снарядов осыпал башню Аркадия, вырывая куски камня из доисторической кладки. Участь ее защитников оказалась весьма печальной – огненный шар окутал верхушку бастиона, раскидывая во все стороны горящие остатки не то людей, не то деревянных перекрытий. Вероятно, от попадания снаряда сдетонировал боекомплект незадачливых гранатометчиков. Черный дым окутал пространство у Королевского входа.

Стрелок Гонсалеса прекратил канонаду и ликующе воздел руки к небу. Но долго наслаждаться победой ему не довелось – следующий выстрел отступников угодил точнехонько в турель «МК-5». Страшной силы удар и грянувший вслед за ним взрыв выдернули с мясом кронштейны креплений «эмкашки» и выбросили ее вместе с сидевшим за ней пулеметчиком из кузова. Взрывная волна бросила искореженную боевую технику на торчащие рядом с дамбой глыбы щебня, попутно оторвав голову уже мертвому, посеченному осколками, бойцу.

– Сообразили, суки, почему раньше не шандарихало. – Михаил глядел, как Карлос подбегает к обезглавленному телу, будто надеясь, что оно сейчас поднимется, отряхнется и двинет дальше. – Теперь, братцы-Охотнички, молитесь!

Матадор с нескрываемой злобой осмотрел погибшего бойца и останки «эмкашки», а потом, наплевав на все уставы, разразился потоками грязной брани.

– Собаки ответят за это! – закончил он тираду. – Обещаю тебе, брат Хуан!

Шедший первым и получивший такую оплеуху «самсон» резко затормозил. Колонна тоже замешкалась и встала.

– Не стоять! Во имя всех святых, не стоять! – Неистовствовавший Бернард схватился за поручни и вскарабкался на изуродованный кузов. – Эй ты, за рулем: вперед!.. Пошел, кому говорю! – Главнокомандующий пнул по кабине и, качнувшись от рывка вновь тронувшегося «самсона», проорал в рацию: – Гаубица! Всех на месяц в карцер, если сейчас же не накроете это гнездо!

Мы снова устремились к Королевскому входу. Лица у всех были напряжены и предельно сосредоточены. Братья только и ждали, когда противник обретет материальные черты и его разрешат кромсать сколько вздумается.

Наверное, гнев Мясника пробудил-таки у артиллеристов спавшую до этого меткость, потому что третий залп «АС-90» получился удачным. Немного позже я узнал, что использованная ими методика прицеливания именуется «вилка». И вот наконец один из зубцов этой так называемой «вилки» угодил в ускользящую от нее по тарелке Мон-Сен-Мишеля скользкую горошину, именуемую башней Свободы.

Башни просто не стало. Пламя взвилось ввысь, обломки бывшего укрепления падали в залив и рушили жилища рыбаков на берегу, а части прилегающей к башне стены осыпались грудями дробленого камня.

– Давно бы так! – глядя на причиненные гаубицей разрушения, удовлетворенно произнес Бернад.

Мы приближались к острову, пройдя по дамбе уже около трех четвертей пути. Все отчетливей были видны снующие по стенам крепости люди, все чаще и чаще рассерженные братья высовывались из-за колес «самсонов» в поисках подходящих целей. Дистанция между нами и Королевским входом мало-помалу сокращалась...

Тут-то и начались неприятности.

Соратники Иуды недолго пребывали в растерянности. Мало того – они были готовы к нашему появлению, и, надо заметить, готовы основательно. То, что не давало Бернаду покоя у Королевского входа, оказалось широкими бревенчатыми щитами, обитыми пластинами из толстого железа. Из проделанных в них узких бойниц по нам ударил плотный огонь автоматических винтовок и ручного пулемета. Также заработали несколько огневых точек с оборонительной стены между входом и башней Габриэля, находившихся левее свежестроенного укрепления.

Водитель переднего монстромобиля погиб мгновенно, так и не успев выбраться из машины. Двое бойцов Гонсалеса и один Мясника, оказавшиеся в момент залпа не под защитой колес «самсонов», попадали как подкошенные. Боец Бернарда, теряя остатки сил, попытался было доползти до спасительного укрытия, но еще несколько пуль ударили ему в спину. И самое страшное – брат Ральф, начавший ответный огонь пулеметными очередями из кузова, отшатнулся назад и упал, перевалившись через борт грузовика, на дорогу. Четыре отверстия в его груди не оставляли никаких надежд на то, что он выживет.

Бойцы, управлявшие средним и замыкающим «самсонами», повинувшись не приказу, а инстинкту самосохранения, вывернули баранки и перекрыли монстромобилями дамбу поперек, а затем повыпрыгивали из них с непростреливаемой стороны. Все прочие братья залегли за колесами и обильно торчащими у воды большими бутовыми камнями, сыпля в адрес врага нехарактерными для Божьих Слуг выражениями. Бернад, тоже прытко ретировавшийся из кузова, плюхнулся на землю возле сжимавшего помповый карабин Карлоса. Видеть главнокомандующего валяющимся в дорожной пыли было дико.

– Брат Бернад, прикажите гаубице разнести баррикаду! – Испанец, потерявший за десять минут боя четверых, был вне себя. – Черт побери их вонючие задницы! Слышите? Прикажите!..

– Спокойно, командир! Я сказал: спокойно! – рявкнул на него Бернад и поднял оборонную рацию. – Мы слишком близко от их цели! Артиллеристы, пока попадут в нее, угробят всех нас. Даже с оптикой это достаточно тяжело – не было у нас ни времени, ни боезапаса, чтобы пристрелять эту проклятую гаубицу. Хоть дотащили ее, и то ладно...

Брат Гюнтер, дотянувшись до ворота плаща Ральфа, подтащил того к себе за укрытие, пощупал пульс, проверил дыхание, после чего посмотрел на меня и отрицательно помотал головой. Я отвел глаза – жаль, отличный был боец...

Между тем пули ударили в бока «самсонов», выбивали стекла кабин, впивались в протекторы шин и дырявили радиаторы, заставляя горячую воду бежать на головы залегших под монстромобилями Охотников. Брат Януш, отшатнувшись от обжигающей струи, получил заряд свинца в плечо и зарычал от боли.

– Как он? – окликнул я бросившегося ему на помощь Фернандо.

– Выживет, – отозвался португалец, разрывая зубами пакет с марлей. – Но сегодня уже не вояка.

Имея удобные позиции и более дальнобойное оружие, некоторые братья принялись отстреливаться. Пулеметчик Карлоса лупил не переставая откуда-то из-под первого монстромобиля – он, как и Берnard, вместе со своим ручником успел-таки в последний момент покинуть кузов. Однако бронированные заграждения этим было не пробить. Все догадывались о тщетности подобной стратегии, но куда-то же нужно было девать избыток ненависти?

– «Мириад»! «Мириад»! Приказываю обработать Королевский вход! Прием! – Прислонившийся к колесу брат Берnard брызгал слюной, терзая передатчик. – Как не достанете? Почему?.. Дьявол!

Любопытство вынудило меня высунуть нос из укрытия и осмотреться. Действительно, на траектории полета снарядов скорострельной пушки располагался выступающий к морю угол стены, надежно оберегающий баррикады с фланга. Смена же орудием позиции к востоку приближала траекторию к дамбе, что было, учитывая плотность огня «мириада», весьма опасно для нас.

– Хорошо, отставить вход! Очистите стену до башни Габриэля! Как поняли?.. Давайте!

Людям доподлинно неизвестно, какие звуки издавали сказочные драконы, хотя не менее сказочная для большинства Охотников установка ураганного свинцоплюйства «мириад», вероятно, точнее всего отвечала на этот вопрос.

Ее рев сотряс атмосферу. В отличие от разового удара гаубицы эта какофония уничтожала наши уши своей нескончаемостью. И ведь десять секунд – всего каких-то коротких десять секунд! – длился залп «мириада», но они показались мне самыми невыносимыми десятью секундами за день.

Два потока пламени плеснули из синхронно завращавшихся двух семиствольных блоков в сторону башни Габриэля и примыкающего к ней отрезка оборонительной стены. Миг – и стены захлестнул свинцовый вихрь, титаническим наждаком стирающий каменный парапет и прячущихся за ним стрелков. Со строений, что прилепились к обрывистым склонам скалы позади бастионов, сорвало крыши. От осколков фасады зданий стали похожими на лица больных тяжелой формой оспы.

Огонь отступников заметно ослаб. Отбрехивались только бойницы заграждения Королевского входа. Стена же и башня, в одно мгновение лишившиеся защитников, молча роняли в море оставшиеся кое-где жалкие сегменты парапета. Дракон, спев свою песню, тоже притих.

Хорошо организованная оборона отступников вынудила нас ввязаться в позиционный бой, затягивание которого явно не способствовало сохранению нашего личного состава, но все-таки эта тактика была пока разумнее лобовой атаки. Ну, а об отступлении Берnard даже не заикался – мы прекрасно осознавали, что он способен положить нас всех до единого, лишь бы только никто потом не сказал, будто бы Берnard Уильямс – легендарный Мясник, лучший командир лучшего отряда Корпуса – сдрейфил и показал спину Проклятому Иуде. Дело Чести, Вопрос Принципа или что-то похожее, губившее во все времена толпы далеко не худших людей.

Наверное, после восстания еретиков Новой Праги Братство еще не теряло столько техники за одну Охоту (о бойцах умолчим – их жизни всегда ценились гораздо ниже, нежели бездушные агрегаты). Колеса «самсонов» шипели, как клубки змей, и травили воздух из

многочисленных пробоин, плавно опуская монстромобили к земле и в конце концов заставив их опереться на тяжелые литые диски. Помпезно-черные, обтекаемых линий, кузова и кабины этих грузовиков напоминали сейчас поварской дуршлаг, изготовленный для очень толстых спагетти в стельку пьяным штамповщиком. Но ерунда – если только брат Бернارد приволочет Ордену Иуду, ему спишут и не такое...

Вырубивший когда-то Люцифера брат Саймон совершил героический бросок к упавшему пулемету Ральфа, а затем, откатившись под первый «самсон», поддержал огнем пулеметчика брата Карлоса, продолжавшего обрабатывать непрошибаемые железные пластины баррикад.

Были ранены еще двое: бойцу Пятого зацепили бедро, а другому, из Первого, навывлет прострелили шею. Он хрипел, выплевывая потоки крови, и Мясник, лично осмотревший его, только горестно вздохнул и потрепал пострадавшего по плечу, словно извиняясь.

– Брат Эрик!.. – Бернارد поманил меня рукой.

Я, перекатившись по земле, пристроился рядом с главнокомандующим:

– Ваш человек серьезно ранен, брат Бернارد?

– Да, похоже, не жилец: артерия перебита. Потерял много крови... – Он помолчал немного, а после проговорил: – Ну-ка подбросьте мне, брат Эрик, какую-нибудь стоящую идейку. Я хотел направить сюда «АС-90» и под ее броней прорываться дальше, но видите, – Мясник стукнул по дороге, – дамба размыта донельзя, и эта сорокатонная махина канет на дно залива, как только на нее въедет. «Мириад» легче, но с тягачом тоже весит немало. Вызовем патрульных – оголим тылы. Что бы вы предприняли на моем месте, а? Не хотелось бы сегодня подохнуть на пороге этого гадюшника как побитая собака...

Идея у меня родилась давно, однако я опасался отправлять людей на верную гибель. Хотя теперь, когда шквал поутих, появился смысл послать кое-кого в прорыв. Тем более, я был уверен, они и сами хотят отличиться.

– Ярво, ко мне! – крикнул я, обернувшись назад.

– Ярво, к командиру! – кто-то из братьев передал приказ дальше.

Перебегая от колеса к колесу, брат Ярво очень скоро очутился возле нас, проелозив последние метры на животе:

– Вызывали, брат Эрик? ...Брат Бернارد?

– Ярво, байки в порядке? – спросил я и вздрогнул, когда очередная свинцовая оса впилась в крыло «самсона» где-то над моей головой.

– В полном, брат Эрик. Мы с Самми оставили их вон за теми камнями. – И вдруг глаза финна, до этого тусклые, как воды залива в ненастье, вспыхнули азартом. – Вы хотите дать нам работу?

– А ты как думал? Но у меня к тебе один вопрос: сработает ли тут ваша система, которую вы применили при разгроме форта Христопотрошителей?..

Я вообще-то мог и не спрашивать – берясь за дело, братья готовы на своих трещотках снести врата Ада.

– Должна, брат Эрик. Самми уже думал об этом. Тогда, правда, ворота были потоньше, но теперь-то у нас есть гранаты! Попробуем...

– Сынок, слушай сюда, – Бернارد упер в грудь Ярво указательный палец. – Признаюсь: я в отличие от брата Эрика не поклонник этой вашей двухколесной дребедени и никогда не держал у себя в отряде лишних пожирателей бензина, но если ты и твой братец впустите нас на остров, я выполню любое ваше желание.

Похоже, что от перевозбуждения брат Ярво окончательно рехнулся, потому что он заявил Мяснику:

– Согласен, брат Бернارد. Сначала я хочу, чтобы вы публично извинились перед «иерихондой» Стальной Жеребец. Он достоин уважения, его надо любить. И еще: после всего нам

наверняка потребуются новые передние вилки и амортизаторы. Достаньте, будьте добры, пару комплектов, а то Транспортная Академия твердит, что мы выбрали весь лимит запчастей на несколько лет вперед, и больше не дает...

Я невольно ждался – история знавала факты, когда Мясник портил людям жизнь и карьеру и за меньшее. «Ну все: не видать тебе больше, наглая твоя морда, ни Стального твоего Жеребца, ни сумасшедшего брата Самми. Молись!..» – мелькнуло у меня в мыслях при виде того, как медленно сжимаются костистые кулаки Бернарда.

– Брат Ярво, вы забываетесь! – Я просто обязан был это сказать. – Перед вами старший по званию...

Но внезапно кулаки главнокомандующего разжались, и он, несмотря на звучащую вокруг канонаду, громко рассмеялся:

– А ты смелый малый! Поглядим, чего ты стоишь в деле. Запомни: не разочаруешь Бернарда Уильямса – и я дам тебе и твоему брату две абсолютно новые, еще в масле «иерихонды». Ну, а разочаруете... – глаза Мясника снова обрели металлический блеск, означавший, что шутки кончились, – живыми не возвращайтесь, ибо излишнее бахвальство я без высканя не оставлю! Действуйте!

И Бернард демонстративно отвернулся, намекая, что совещание окончено.

– Ярво! – обратился я к финну, и он перевел взгляд на меня. – Внимательно слушайте их пулемет! Палят они без остановки, видать, патронов полно. Но периодически он перегревается, и пока эти уроды меняют ему ствол и ленту, у вас будет в запасе секунд тридцать-сорок. И постарайтесь поаккуратней – хватит нам на сегодня трупов.

– Не впервой! – Ярво попытался успокоить меня своей безумной улыбкой, но только добавил сомнений в успехе мероприятия. – Разрешите идти?

– Не забудь, что я сказал! – Я уже начинал сожалеть обо всем этом, однако отступить было поздно. – Валяй!

Он скрылся. Я переместился к другому колесу, из-за которого Михаил, прикусив губу, сосредоточенно всаживал короткие очереди в бойницы крепости.

– Бесплезно! – прекратив это неблагоприятное занятие, он вернулся за укрытие. – Я смотрю, ты собрался натравить на них наших долбанутых близнецов?

– Должно выгореть! – больше всего на свете я хотел сейчас уверовать в это. – Да и попробуй их удержи...

– Если доберутся до щитов, выгорит, клянусь моими обожженными усами, – обнадежил меня Михаил, заменяя пустой магазин полным. – А вот метров двести пятьдесят – триста под огнем – это и впрямь проблема. Что ж, я так понимаю, надо готовиться к рывку...

Внезапно бок переднего, самого изрешеченного «самсона» объяло яркое пламя – загорелся пробитый и протекающий бензобак. Боец Карлоса и Саймон, пятясь, отступили к нам. Пулеметы они волочили следом.

Волосы Саймона были опалены, плащ дымился. Пулеметчик Матадора выглядел гораздо хуже: с правой руки капала на землю кровь, половина лица пузырилась свежим ожогом. Он распластался в грязи и, хрипло кашляя, переводил дыхание.

Я протянул Саймону фляжку с водой. Он сделал десяток лихорадочных глотков, отер рот рукавом и передал воду едва дышавшему обожженному товарищу.

– Брат Эрик, дело дрянь! – заметил Саймон, отирая пот подкладкой плаща. – Нам не пробежать эту дистанцию! Похоже, Господь занят сегодня чем-то более важным, если запомнил о нас!

– Сейчас узнаем, – проговорил я, закручивая крышку вернувшейся фляжке. – Финны сказали, что пройдут через Королевский вход как Моисей через Красное море.

– Неплохо бы...

Снова раздался гранатометный удар, но в этот раз откуда-то издали. И тут рвануло и полыхнуло так, что нахлынувшая волна жара чуть не лишила нас растительности на головах. Прищурившись, я узрел неутешительную картину: многострадальный передний «самсон» лежал перебитый пополам; все четыре его колеса, два из которых были оторваны, горели, испуская чадающую копоть.

– Вовремя слиняли, – перекрестился Саймон, закладывая в гнездо пулемета новую ленту. – Истинный крест, вовремя...

Подскочивший Бернад заставил его почтительно потесниться.

– Брат Эрик, ну где эти ваши ангелы-истребители, а то нас тут уже... – тут Мясника отвлекла запищавшая рация. – Что, гаубица? Повторите! Откуда бьют? С колокольни? Прекрасно, слушайте все! Общий приказ гаубице и «мириаду»: снести колокольню ко всем чертям! Как поняли?

Ответом ему стал такой грохот с обоих флангов, что волей-неволей я и остальные братья позатыкали уши пальцами. Сквозь черный дым горящего остова монстромобиля видимость была отвратительная, однако не нулевая, и мы сумели насладиться представлением, разыгранным нашими группами прикрытия.

По уже сложившейся традиции первым выстрелом «АС-90» промахнулась и несущий гибель всему живому многокилограммовый снаряд ушел далеко в морские просторы. «Мириад» совершил пристрелочный залп, обстриг часть крыши одной из пристроек Ла-Марвея, после чего, увеличив угол наклона стволов к горизонту, стал долбить короткими залпами колокольню снизу вверх, стараясь дотянуться до смотровой площадки под шпилем, где и должен был засесть гранатометчик.

Обломки застучали по крышам строений монастыря. От колокольни откалывались целые куски и падали вниз, поднимая облака пыли. В перерывах между залпами слышался треск ломающихся стропил и звон лопающихся стекол. Средняя опорная колонна, поддерживающая шпиль, обрушилась с верхотуры и, вращаясь, словно жонглерская булава, вмяла несколько пролетов перекрытий основного здания церкви. Не знаю почему, но мне вспомнились строки Паоло Бертуцчи: «...Здания разваливались как игрушечные пирамидки, задетые неосторожной рукой ребенка».

Вопреки ожиданию, во второй раз гаубица порадовала нас филигранной точностью. Свистящее конусообразное тело снаряда попало аккуратно под перекрытие, служившее полом для смотровой площадки. Сила взрыва разметала эту часть колокольни, засыпав обломками всю северо-западную территорию Мон-Сен-Мишеля вплоть до прибрежных морских вод. И вот теперь-то мне действительно не почудилось: сорокаметровая игла шпиля дрогнула и начала заваливаться в нашу сторону, неумолимо отклоняясь от вертикальной оси.

Внезапно, как это иногда бывает после всеобщей паники, настала гробовая тишина. Хотя «гробовая» не совсем то слово: от стен колокольни продолжали отваливаться куски; на острове раздавались людские крики; кое-где трещало пламя загоревшихся строений. Однако ни единого выстрела не прогремело ни с вражеской, ни с нашей стороны. И мы, и защитники Проклятого Иуды наблюдали за набравшим скорость падением железной конструкции. Экипажи огневой поддержки, явно перевыполнив свою задачу, наверняка занимались тем же самым.

Венец монастырской церкви рушился примерно треть минуты, но зато с каким изяществом! Нижний толстый конец шпиля зацепился за край отвесной стены Ла-Марвея, в то время как верхний, продолжая падение, гигантской плеткой хлестнул по склону скалы, обратив подвернувшуюся пару рыбацких хижин в кучи строительного мусора. Сорвавшаяся с его верхушки бронзовая скульптура архангела Михаила, как выяснилось позже, вонзилась крыльями и мечом в мощенную булыжником мостовую вблизи тех отступников, что обороняли Королевский вход, словно стремясь покарать не угодных Пророку.

Высунувшийся из-за колеса Бернард озабоченно вглядывался в изменившиеся контуры монастыря.

– Надеюсь, они надежно укрыли детей, – мрачно проговорил он. – Я и без того по горло в крови, и мне не хватает только душ невинно убиенных младенцев...

Сам того не подозревая, экипаж гаубицы произвел удачнейший отвлекающий маневр, позволивший решить исход противостояния в нашу пользу. Вражеские бойницы хранили молчание – похоже, когда тебе на голову, пусть и обреченную, но пока еще целую, падает многотонная громадина, невольно забываешь про другую, более отдаленную опасность.

А она приблизилась, как и положено настоящей опасности – молниеносно и неотвратимо, под пронзительный треск байков-«эндуро» и гортанные вопли финнов-самоубийц.

Бернард, хмуро созерцавший результаты артналета, отшатнулся от промчавшихся в шаге от него оседланных улюлюкающими Ярво и Самми «иерихонд». И он, и все братья с нескрываемой надеждой смотрели им вслед, хотя – я уверен – все они, подобно мне, считали их рывок лишь отчаянным бахвальством, а не здоровой стратегией.

Самми несся первым, пригнувшись к рулю и равномерно ускоряясь по избитой поверхности дамбы. Отстав от него на четыре-пять метров, тоже вжавшись в бензобак, летел его братец. Оба привстали с сидений и, заваливая байки то на один бок, то на другой, не позволяли противнику взять их на прицел.

На их счастье, тот поздно отошел от шока, пережитого в связи с падением карающего Бича Господня в образе стального шпилья и впервые за всю мировую историю промазавшего архангела Михаила, пускай и бронзового. Высунувшийся из бойницы пулеметный ствол дал непродолжительную очередь, а затем умолк, очевидно, изжевав порцию патронов на пулеметной ленте. Перезарядить его отступники уже не успели.

Сбросив чуть-чуть газ перед оборонительными сооружениями и пройдя полсотни метров накатом, финны снова до упора выжали дроссельные рукоятки, после чего, задрвав передние колеса, поставили байки на дыбы.

Бронированные щиты для лучшего отражения пуль стояли не вертикально, а под углом. Наклон их поддерживали деревянные подпорки, упиравшиеся в каменные выступы коридора за Королевским входом.

Балансируя на ведущих колесах, Самми и Ярво с интервалом в полсекунды ударили в плоскость щита передними, а затем, погасив инерцию, подали байки назад, отталкиваясь ногами от булыжного покрытия. Крен бревенчато-стальной конструкции по отношению к дороге увеличился – подпорки треснули, но выдержали.

Подогнав «эндуро» вплотную к заграждению, Самми извлек из кобуры миниатюрный пистолет-пулемет «скорпион», засунул его ствол в щель бойницы и наугад выпустил всю обойму. Ярво тем временем скovyрнул предохранительные чеки у своей пары гранат и перебросил их за щиты.

Ретировались финны похожим маневром – пригибаясь и виляя байками, отчего сделались похожими на удиравших от рыбацкой сети вертких рыбешек. Кто-то из отступников пальнул им вслед из автомата, но слившиеся в один два взрыва и мелькнувшая за баррикадами вспышка оборвали очередь.

Взрыв послужил финнам сигналом к развороту для начала второй – решающей – атаки. Теперь Ярво отстал подальше, начав разгон лишь тогда, когда Самми поднял для повторного тарана переднее колесо мотоцикла.

Этого толчка надломленные подпорки выдержать уже не смогли. Громоздкое бронированное сооружение повалилось внутрь коридора. Самми, съехав с него, оперативно сменил обойму и полоснул в образовавшийся проем из «скорпиона», расчищая путь брату.

Наклон щита после повторной атаки составлял около тридцати градусов, что позволило Ярво воспользоваться им как трамплином, который подбросил его байк на несколько

метров вверх. Развернувшись в полете, еще не коснувшись колесами бульжника, финский ангел-истребитель выхватил свой пистолет-пулемет и принялся расстреливать из него тех, кто продолжал подавать признаки жизни у бойниц укреплений. Приземлившись и уравнив «эндуро» выставленными ногами, Ярво дострелял магазин и поднял вверх большой палец, означавший лишь одно: «Чисто! Проход открыт!» или, если угодно, «Мясник, с тебя причитается!».

Главнокомандующий, явно восхищенный лихостью и мастерством финнов, уже без опаски встал во весь рост и зычно гаркнул:

– А ну хватит разлеживаться! Наши братья Ярво и Самми только что принесли нам ключи от острова! Вперед, Божья Кара, возьмем нечестивцев тепленькими! – И, неожиданно хлопнув меня по плечу, сказал: – Брат Эрик, насколько мне известно, таким трюкам не обучают в Боевой Семинарии. Где вы раскопали этих типов?

– Взрастили в своих рядах, брат Берnard, – ответил я, взводя «хеклер-кох» и ожидая, пока подтянется арьергард. – Эти отморозки разбили уйму байков, спалили тонны горючего, на самих целого места нет – ломаны-переломаны. Но без преувеличения, шкуру Одиннадцатого они спасали несметное количество раз.

– А отныне также шкуры Первого и Пятого! Все слышали? – обратился Берnard к приближающимся братьям. – Чтобы в Ватикане каждый поставил брату Ярво и брату Самми по кружечке самого лучшего пива! Это мой приказ и обсуждению он не подлежит! – И уже тише, наклонившись ко мне, произнес: – Далеко пойдете, брат Эрик, помяните мои слова, потому что это говорит вам не кто-нибудь, а сам Берnard Уильямс...

Не знаю, делал ли еще в своей жизни Мясник предсказания и сбывались ли они, но это его пророчество оказалось стопроцентно верным, хотя он наверняка вкладывал в него противоположный смысл...

8

«– Им придется здорово побегать, – возразил капитан. – А моряки не отличаются проворством на суше. Не их я боюсь, а пушки».
Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Расстояние в триста шагов мы преодолели стремительным рывком, добежав до острова практически на одном дыхании. Королевский вход был больше похож на врата Ада: трупы отступников валялись тут и там. Ярво и Самми были здесь же, держа под прицелом неширокую улицу, застроенную убогими рыбацкими хижинами. Она петляла, опоясывая скалу с запада на восток, и поднималась все выше и выше, упираясь дальним концом прямо в высокую лестницу у ворот Ла-Марвея.

Подбегая к разгромленным баррикадам, мы снова услышали уханье гранатомета, но теперь от его выстрелов группу прикрывали выступ скалы и одноэтажные постройки. Остов среднего «самсона», в который угодила граната, разлетелся по дамбе, а одно из его мощных колес, еще пять минут назад скрывавшие меня, Бернарда, Саймона и Михаила от пуль, подпрыгивая и дымя горячей резиной, покатилося в воды залива.

– погоди, я до тебя доберусь! – Бернард погрозил кулаком огрызавшемуся Ла-Марвею и прислонился к фасаду крайнего дома, вместе с остальными переводя дыхание. – А ну-ка, двухколесные герои, живо оба ко мне!

Уступив позиции братьям Пятого, Ярво и Самми подрулили к главнокомандующему и заглушили двигатели. Отделались они при атаке довольно легко: у Ярво кровоточило задетое вскользь левое плечо, а Самми осколок разбитой пулей фары рассек щеку.

– Недурно, братцы! Очень даже недурно! – Мясник похлопал стоявшие перед ним байки по шипастым протекторам передних колес. – Пожалуй, я соглашусь с тобой, брат Ярво, – ваша кавалерия сегодня сработала на славу. Но все-таки уважьте старика – падать на колени и умолять ваших Стальных Коней о прощении и не подумаю, однако лично вам скажу: я переменяю свое мнение о них в положительную сторону. Это сойдет за извинение?

Растянув физиономию в довольных улыбках, братья синхронно закивали. Не сделай они этого или ляпни опять что-нибудь дерзкое, я их, засранцев, точно бы поубивал – не кого-то, а самого Бернарда Уильямса заставили перед собой расшаркиваться, мало ли, что заслужили!

– Ну а насчет второго обещания, так это сразу по приезде домой. Я свое слово держу – что заработали, то заработали... Так, внимание! – Мясник выпрямился и хлопнул в ладоши. – Нечего расслаиваться, дело не закончено! Слушай мой приказ: двумя колоннами продвигаемся вдоль улицы. Если хоть какая-либо тварь косо посмотрит – уничтожить на месте! Пусть знают, что в их рассадник порока пришла истинная власть Господня! У лестницы занимаем оборону и ожидаем моих людей с орудий. А вы двое, – он вновь обратился к финнам, – остаетесь здесь сторожить эту дыру, чтобы ни одна душонка не выбралась наружу. Также оставляю на ваше попечение раненых. Задача ясна? Тогда тронуться!

К чести нашего противника надо сказать, что он не стал втравливать местных жителей в конфликт. Устрой отступники линию обороны здесь, под прикрытием лепящихся друг к другу домишек, пришлось бы клещами вырывать их оттуда, завязнув на неопределенный срок. К тому же отступники, похоже, догадывались, что Охотники, добираясь до цели, способны стереть в порошок все поселение, не разбираясь при этом, кто прав, кто виноват. И Иуда решил быть милосердным. Сами же аборигены Мон-Сен-Мишеля не желали содействовать никому. Наружные двери и ставни их домов были закрыты наглухо, как бы показывая: наше дело маленькое, свое дерьмо разгребайте сами.

Но полностью отстраниться от происходящего им не удалось. Проходя мимо, кое-где на огороженных крохотных двориках мы могли наблюдать копошащихся людей, разбиравших произведенные гаубицей разрушения. Завидя нас, они бросали все и в испуге прятались кто куда. На западной оконечности острова – там, куда рухнул церковный шпиль, – поднимались столбы черного дыма. Не исключено, что имелись и человеческие жертвы.

– Согласись, в другой ситуации это выглядело бы забавным, – Михаил указал на торчащую посреди улицы перевернутую скульптуру совершившего свой прощальный полет одноименного с ним архангела. Точнее, из земли высовывались только нижняя половина туловища и голые, в блеклых потеках сошедшей позолоты, пятки Божьего Воителя. Действительно, архангельский меч не дотянул до отступнических баррикад всего какую-то полусотню метров.

Бросок до ворот Ла-Марвея не отнял много сил и обошелся без происшествий. Мы проследовали вдоль всей улицы, вслушиваясь в звуки за каждой запертой дверью, но не встретили даже намека на сопротивление.

У подножия крутой лестницы, пристроенной к колоссальным монастырским воротам, наш отряд остановился. Рассредоточившись за высоким парапетом, дабы какой-нибудь прицельный выстрел из многочисленных окон и окошечек, что усеивали стену поверх ворот, не наделал беды, мы внимали тому, как Бернард вызывает своих людей:

– Гаубица, «мириад»: конец первой фазы операции! Передайте охрану орудий патрулям и выдвигайтесь к месту сбора! Как поняли? Выполняйте!..

Рация что-то прокашляла в ответ. Бернард не разобрал, что именно, и переспросил:

– Не понял, гаубица! Повторите четче!..

Я тоже настроил передатчик на отдельный патрульный канал и связался со своими «самсонами». Вацлав и Дмитрий доложили, что все относительно спокойно, после чего поинтересовались, как наши дела.

– Что ж, отвоевался, – печально вымолвил Дмитрий, узнав о гибели Ральфа. – Надеюсь, на небесах ему будет хорошо... Какие будут приказания, брат Эрик?

– Слушайте оба: где-то в Ла-Марвее засел еще один или несколько гранатометчиков. Они постараются потрепать бойцов брата Бернарда на пути к острову. Наилучшие места для позиций – крыши монастыря и церкви. Прикажите Свену и Адриано расчехлить «гепарды» и снять этих мерзавцев. Как поняли?

– Уже сделано. Что-нибудь еще?

– Находитесь на связи и докладывайте подробно о том, что видите.

Бернард, подслушавший концовку моих переговоров, одобрительно заметил:

– Весьма своевременно, брат Эрик. Мои ребята именно их и опасаются. Вы опередили мой приказ – это похвально. Что ж, будем ждать...

Через некоторый промежуток времени моя рация вновь ожила.

– Они на дамбе, – доложил Вацлав. – Прodelали около трети расстояния. Снайперы заняли позиции. Говорят, видимость исключительная, так что если что-то шевельнется...

Надежды на удачу не сбылись: шевельнулось, причем сразу в двух точках, по всем правилам кинжального огня. Одна из точек, судя по звуку, находилась прямо над нами. На дамбе вновь загрохотали разрывы.

– Бойцы Первого идут короткими перебежками! Вроде бы все целы. Секунду, брат Эрик... да, Свен засек убудка с вашего фланга! Прямо над вами, вон в тех готических башенках! Как только покажется...

Далекое эхо «гепардовского» выстрела докатилось до нас гулким раскатом.

– Есть! – возликовал Вацлав. – Он его уложил!

Над входом что-то загрохотало по черепичной крыше. Железная труба гранатомета «Карл Густав» звякнула о бордюр и поскакала вниз, выбивая искры из лестничных ступенек.

Следом за ней шмякнулось мертвое тело гранатометчика, застыв перед воротами на залитых солнцем булыжниках в неестественной позе.

– Что со вторым? – предвидя вопрос Бернарда, спросил я.

– Он с противоположной стороны. Адриано ищет его... Проклятье! – Вацлав, как и мы, услышал очередной гранатометный залп. Воздух опять содрогнулся.

– Э-э-э-э, брат Эрик... – вклинился в радиоэфир неуверенный голос Дмитрия. – Передайте брату Бернарду: один его человек погиб, один, похоже, сильно ранен... Да, точно, ему оторвало ногу...

Мое счастье, что Мясник сидел тут же и слушал донесения патрулей вместе со мной, а иначе я бы и представить не мог, каким образом доведу до него эту информацию. Главнокомандующий просто закипел от негодования. Он вырвал у меня передатчик и хрипло заорал в него:

– Говорит брат Бернард! Рекомендую вам побыстрее разобраться с этой проблемой, брат Дмитрий! Настоятельно рекомендую! А не то ответите по всей строгости Устава за халатное несение службы, я вам это гарантирую! Как поняли?

– В-вас п-понял, брат Б-бернарда! – Старый вояка Дмитрий был чертовски напуган. Напуган до не наблюдавшегося у него ранее заикания. – Д-делаем все в-возможное!

– И даже больше, брат Дмитрий! – продолжал Мясник давить на ветерана авторитетом.

– И даже б-больше, брат Б-бернарда! Обязательно разберемся, брат Б-бернарда!..

– Тогда почему, боец, ты еще скулишь мне в ухо? Работай!

– Виноват, брат Б-бернарда! До... до... до связи, брат Б-бернарда!..

Главнокомандующий повернул тумблер, перебрал рацию мне и, смяв в руке берет, отвернулся, расстроенный новыми потерями.

Меня в какой-то мере угрозы Мясника тоже касались, ведь вместе с Дмитрием перед Трибуналом Главного магистрата обязан буду предстать и я как его непосредственный командир. Хотя выбор вообще-то имелся – взять Иуду. В противном случае брат Бернард закопает и меня, и Гонсалеса, и остальных братьев, вменив им в вину даже то, чего не было и в помине.

Дмитрий, похоже, сорвал злость на Адриано, потому что его «гепард» пролалял несколько раз кряду, пытаюсь вслепую прощупать укромные уголки крыши. Я покосился на ссутулившуюся спину главнокомандующего и снова включил передатчик:

– Это брат Эрик. Докладывайте.

– Братья Первого рассеялись по дамбе, чтобы не создавать групповой цели, – Дмитрий описывал ситуацию словно приговоренный к смерти, что в какой-то степени было правдой. – Эта мразь шикарно маскируется. Бьет с чердака в какое-то из слуховых окон, сам же постоянно вне поля зрения. Засечь-то мы его засечем, но вот прикончить...

Удар – секундная пауза – и взрыв на дамбе прогремел заново. Я молчал, ожидая от патруля дурных вестей. Бернард подошел и тоже слушал. Пульсирующие желваки на его скулах заставляли меня ощущать себя прогулявшим псалмопение семинаристом, пойманном наставником у конфетных прилавков ярмарки.

– Он поразил третий «самсон». На психику, гад, действует, – голос Дмитрия звучал немного бодрее, чем минуту назад. – Все живы, но движутся очень медленно, ползком. Зато мы точно выяснили, где его огневая точка. Брат Эрик... это... я прошу разрешения брата Бернарда воспользоваться «мириадам»...

– Ты рехнулся?! – От такого заявления я аж присел. – Вы же не бельмеса в ней...

– Йозеф утверждает, – настаивал Дмитрий, – что это примерно как спаренный Шестиствольный, только малость поболее.

Мясник сделал мне знак, и я передал рацию ему.

– Слушай, боец, – главнокомандующий взял тот же тон, что и при разговоре с Ярво, – даю «добро», понял? Однако не забывай, что в двухстах метрах восточнее находимся мы! И еще: у тебя есть пистолет?

– Что есть, брат Бернард? Повторите, пожалуйста! – не понял Дмитрий. – Пистолет?

– Совершенно верно, боец! Пистолет! Обычный пистолет! – Бернард отчетливо произнес это в микрофон.

– У меня нет, но... у брата Энрико есть «стар». А зачем он вам?

– Не нам, а тебе, брат Дмитрий! Пистолет понадобится тебе, когда вы испортите, поломаете, заклините или, черт побери, утопите «мириад» в заливе! Дошло? Пояснения нужны?

Старший патруля помолчал, не зная, что сказать, а потом, собравшись с духом, выпалил:

– Не волнуйтесь, брат Бернард! Все будет в порядке! Я ручаюсь за Йозефа, он опытный спец по «вулканам»! Уверен, мы вас не подведем! Разрешите действовать?

– Действуй!

Бернард одарил меня таким взглядом, что я сразу просек: вопрос о пистолете в равной степени касался и моей персоны.

Вот так мои ребята вместо детского самоката получили настоящий взрослый велосипед, а я не знал, радоваться мне или огорчаться. Представил, как квадратное рыло «глока» упирается в висок; затем округлый кусочек свинца дробит кость и раскидывает мозги окрест расколовшейся головы... Я невольно поежился. Наверное, впервые после Новой Праги захотелось бросить все и уйти, наплевав на Братство Охотников и остальную Инквизицию вместе взятые.

Издаലെка ревущий шквал «мириада» не обладал той внушительностью, хотя и здесь, пред вратами Ла-Марвея, братья вздрогнули, когда дьявольская установка повторила уже исполненную ею ранее серенаду.

Дмитрий со товарищи – я готов был горланить в их честь самые помпезные псалмы! – не вынудили меня краснеть перед Мясником. На совесть выверив прицел, они угодили в крышу с первого же залпа. К сожалению, увидеть результат их стрельбы мы не могли, зато слышали треск стропил, а также стук разлетающейся черепицы с западной стороны Ла-Марвея.

Едва смолкли звуки выстрела, как вновь встрепенулась рация. Дмитрий, обрадованный не столько удачно произведенным выстрелом, сколько тем, что не придется просить у Энрико пистолет, сообщил:

– Готово, брат Эрик! Наверяд ли кто-то выжил. Адриано видит в прицел чьи-то останки. Вы знаете, насилу остановил Йозефа! Уж больно по сердцу пришлась ему эта машинка. Хотел еще пару башенок обкромсать, но я сказал, что вы будете сильно ругаться...

«Еще бы, конечно буду! – подумал я. – Вам-то что, а у меня – вон он, Бернард, в затылок сопит!»

Но на самом деле Мясник не сопел, а поднимал по рации застрявших в тех же камнях, что некогда и мы, выживших бойцов своего отряда.

Я облегченно вздохнул. Ежели и придется когда брату Эрику застрелиться, то, по крайней мере, не сегодня.

Изрядно поредевшая группа наконец собралась для решающей фазы операции. Насчитывалось девять погибших: четверо у Мясника, четверо у Матадора и мой Ральф. Трое мучились ранениями средней тяжести, а легко задетым или поцарапанным был каждый пятый из оставшихся в строю. Не считая стерегущих Королевский вход финнов, перед вратами проклятой цитадели нас стояло теперь тридцать шесть человек. Тридцать шесть усталых и жаждущих упиться отступнической кровью братьев-Охотников. И спасти Иуду могло только

вмешательство самого Господа Бога. Но как выяснилось, сегодня Всевышний благоволил тем, кто смел утверждать, что послан от его имени...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ГОСПОДИН НАДЗИРАТЕЛЬ

9

«– Тридцать лет я плавал по морям, – сказал он. – Видел и плохое и хорошее, и штиты, и штормы, и голод, и поножовщину, и мало ли что еще, но поверь мне: ни разу не видел я, чтобы добродетель приносила человеку хоть какую-нибудь пользу. Прав тот, кто ударит первый. Мертвые не кусаются. Вот и вся моя вера. Аминь!»

Р. Л. Стивенсон. «Остров Сокровищ»

Годы Боевой Семинарии

Продолжение

Не хочу показаться занудой, но раз уж я принялся в самом начале книги излагать историю возникновения нашего мира от Каменного Дождя, то глупо было бы бросать ее на полдороге, не доведя непосредственно до сегодняшних дней. Все это задумано мной не праздного любопытства ради (хотя, каюсь, что и не без этого), а исключительно с целью показать, как вообще могла появиться на свет та кровавая химера, тот карательный механизм на службе «Светлых Сил Добра и Справедливости», шестерней которого мне довелось когда-то быть. Само собой, я имею в виду Инквизиционный корпус.

А в защиту «новой истории по Хенриксону» могу сказать лишь то, что идет она даже не от меня, а от тех документальных источников, хранимых в недоступных простому смертному библиотечных залах Главного магистрата, которые мне посчастливилось проштудировать во времена любознательной кадетской молодости. И, как я уже упоминал, это не потребовало от меня совершать кражу со взломом, а стоило лишь половины ежемесячной стипендии, регулярно жертвуемой смотрителю кадетского зала Ватиканской библиотеки дьякону Захарию. Не знаю, что стало впоследствии с этим стариком – погорел ли он на своих подпольно-коммерческих махинациях или жил себе безбедно за счет таких же, как я, до самой смерти, – но на тот момент оба мы были весьма довольны столь плодотворными и для него, и для меня деловыми отношениями.

Век Хаоса – век тотального безвластия и кровавых междоусобиц – сменяла новая эпоха, в которой вечные надежды человечества на божественную справедливость и долгожданный порядок наконец должны были исполниться.

Так зарождался современный мир.

Так наступала Эпоха Стального Креста.

Обретя новых хозяев, Ватикан, он же Центр Мира и Божественная Цитадель, стал разрастаться. Со всех концов старой Европы тянулись к нему обездоленные люди, желая быть как можно ближе к объявившим себя святыми стенам. Присылались ходоки за достоверными сведениями об этом явлении мирового масштаба, прибывали различные пророки рангом помельче, стараясь узаконить свой статус благословлением более пронирыливого собрата. Естественно, за ними следовала и их верная паства, потому постепенно временные пристанища этих пришлых толп превращались в постоянные, загромождая все новые и новые территории Ватикана трущобами и неизбежными при подобной перенаселенности помойками.

Центр Мира стал задыхаться от отходов человеческой жизнедеятельности. По его улицам слонялись толпы безработных, наравне со всеми хотевших и пить, и есть. Немыслимо возросла преступность, процветало воровство и вымогательство. Маркус Крюгер, прощен-

ный Пророком Витторио грабитель и мародер, а ныне лидер Братства Защитников Веры, хоть и увеличил контингент своих бойцов в три раза, все равно не успевал карать убийц и насильников. Престиж Божественной Цитадели находился под угрозой...

Тогда-то и прозвучал Великий Призыв Пророка Витторио, ознаменовавший начало Нового Исхода.

Пророк, принимавший у себя послов из различных регионов, имел представление об обстановке, царившей на староевропейских просторах: народ раздроблен, запуган и как никогда нуждается в объединении. Заблаговременно собрав до Призыва всех лидеров ново-явленных городских группировок, он четко обрисовал им сложившуюся в Ватикане ситуацию, а затем вынес свой вердикт. Пригрозив проклятием тому, кто ослушается (а проклинать Витторио умел как никто другой, тем более имея за плечами верные отряды из Защитников Веры), Пророк вышел на следующий день к подножию Креста, страстно затряс руками и возвысил свой голос, распаяя душевный энтузиазм молившейся на него паствы. Говорил он о вновь сошедшей на него божественной воле; о том, что Господь раскрыл ему глаза, дав узреть в полной мере те необъятные просторы, где люди вопиют от отчаяния, а потому горячо желают перейти под власть Бога Единого, разумеется, в лице самого Пророка и других повелителей Центра Мира.

«На вас, братия по Вере, через уста мои возлагает он миссию великую, дланью своей освященную! Ибо суждено вам совершить Новый Исход, но уже не в поисках Земли Обетованной, а, наоборот – привести к ней всех заблудших рабов Отца нашего, указать им, слепцам, власть истинную, а посему вечную и незыблемую! Так внешне же: ты, брат Роланд, и ты, брат Жан-Луи, ведете паству свою в земли бывшей Франции; ты, брат Петр, и ты, брат Яцек, – на земли города Варшавы; ты, брат Хосе, и ты, брат Рамиро...»

Пророк Витторио распределял миссии до тех пор, пока не объял отеческой заботой все известные ему территории, а они заканчивались для него на север, запад и юг морями, а на восток – берегами реки Днепр. Из-за них почему-то ни гонцов, ни пророков не появлялось, что выразительно указывало на то, в каком невежестве проживают там русские племена и как стремятся они выйти из мрака к Источнику Истинного Света – к Ватикану.

Через неделю улицы Ватикана вздохнули облегченно – свежеиспеченные моисеи увели за собой три четверти пришлого населения, но что самое интересное – с ними отправилась и немалая часть коренных граждан города, до глубины души вдохновленная прогрессивными целями Нового Исхода.

В последующие несколько лет Европа опять потеряла покой. Орды вооруженных чем попало пилигримов входили в города, брали под свой контроль власть, ремесленные предприятия, продовольственные и топливные склады, электростанции и средства транспорта. Надо заметить, что вся эта вакханалия протекала практически бескровно – перед лицом столь грозной, да еще и имеющей благие цели силы, большая часть населенных пунктов капитулировала вообще без боя, признавая над собой власть Пророка и Апостолов «на веки вечные». «Разумеется, так будет только лучше!» – говорили уставшие от убийств и погромов люди.

Непокорные же города, кои все-таки имелись в наличии, брались в осаду, однако не штурмовались, дабы доказать всем заперевшимся за городскими стенами подлинную миролюбивость новых хозяев (безусловно, подобное решение сыграло репутации Пророка Витторио исключительно на пользу). В общем, так или иначе, но ключи от этих строптивых поселений оказывались в руках пророческих миссионеров. И текли посланники со всех краев Европы к Центру Мира с сообщениями об успехах богоугодного мероприятия, окрещенного Пророком Новым Исходом.

Потерпели фиаско лишь две миссии, забравшиеся дальше остальных. Дьякон Захарий, питавший мои литературно-исторические аппетиты, долго колебался по поводу, казалось,

бы невзрачных серых брошюрок с копиями отчетов о них. Совесть дьякона тяготили красные оттиски на каждой из брошюр: «Карается с особой строгостью за обнародование!» Эта загвоздка и лишала его желаний продолжать взаимовыгодное для нас обоих сотрудничество. Но в итоге Желтый Дьявол в образе звенящих монет как всегда одержал победу, и всего лишь на одну ночь я стал обладателем ценнейших документов, речь в которых шла о событиях, большинству граждан Святой Европы неизвестных.

Первая миссия, ведомая датчанином братом Ларсом, попыталась на конфискованных у рыбаков моторных суденышках перебраться через пролив Каттегат к берегам нелюдимой Скандинавии. Но миссионеры не только не ступили на берег – им не дали даже причалить. Гордые потомки кровожадных викингов еще на подходе расстреляли утлые скорлупки из неизвестно где добытых артиллерийских орудий. Уцелеть смогли только те, кто не пылал особой страстью приобщить Властелинов Севера к новым религиозным порядкам и держался в хвосте десанта. Непонятно почему, но среди них оказался и лидер миссии брат Ларс. Так что Глас Господень не слышен в этих краях и по сию пору.

Вторая группа новоисходцев, одиссее которых была посвящена следующая брошюра, переправилась через Днепр и затерялась на просторах Среднерусской возвышенности – территории, подвластной русским князьям. Выйдя одним прекрасным утром к небольшому, но хорошо укрепленному городу Воронеж, полторы тысячи желающих только добра миссионеров были вероломно атакованы ревушей громче труб Иерихона стальной птицей. Спикировав, птица плюнула огнем, и треть слуг Пророка просто-напросто испарилась, оставив после себя огромную дымящуюся воронку. Остальные в испуге попадали ниц, хотя кое-кто пытался сбить адскую тварь из дробовиков.

Птица совершила еще заход, снова плюнула, однако, к всеобщей радости, промахнулась. Прижатые к земле божьи люди решили больше не искушать судьбу и применили самое могучее оружие, которое только имели в запасе – святую молитву Господню. И поди ж ты – подействовало! Услышав ее сквозь собственный рев, чудовище покачало крыльями и улетело за горизонт. Радости выживших не было предела, однако, как показало время, все произошедшее являлось лишь прелюдией.

Ликуя и славя Господа за то, что он поспособствовал им в изгнании жуткой твари, миссионеры даже не заметили, как оказались в окружении нескольких сотен бородатых и мрачных русских, компенсирующих свое отставание в живой силе наличием бронетехники. Калибр установленных на бронированных монстрах орудий во много раз превышал калибр дробовиков божьего воинства, а их длинные стволы в упор смотрели в лица пришельцев. Чем-чем, но гостеприимством – одной из основных черт славянского характера – здесь и не пахло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.